

О. Р. Айрапетов

Участие
Российской империи
в Первой
мировой войне

1917

Олег Рудольфович Айрапетов Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1917 год. Распад

ABBY PDF Transformer+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203807

*Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1917 г. Распад /
Айрапетов О. Р.: Кучково поле; Москва; 2015
ISBN 978-5-9950-0480-6, 978-5-9904362-7-5*

Аннотация

Фундаментальный труд российского историка О. Р. Айрапетова об участии Российской империи в Первой мировой войне является попыткой объединить анализ внешней, военной, внутренней и экономической политики Российской империи в 1914–1917 годов (до Февральской революции 1917 г.) с учетом предвоенного периода, особенности которого предопределили развитие и формы внешне- и внутривнутриполитических конфликтов в погибшей в 1917 году стране. В четвертом, заключительном томе "1917. Распад" повествуется о взаимосвязи военных и революционных событий в России начала XX века, анализируются результаты свержения монархии и прихода к власти большевиков, повлиявшие на исход и последствия войны.

Содержание

Правительство, Дума и общественные организации в начале 1917 г.	4
Попытки правительства перехватить инициативу	21
Арест рабочей группы ЦВПК	34
Контакты оппозиции с союзниками	45
Политический зондаж на фоне межсоюзнических контактов	73
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Олег Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1917 г. Распад

Люди видят, куда ведет не только ошибочная политика власть имущих, но и демагогическое разнуздание грубейших инстинктов широких народных масс, к какому печальному концу для государства приводит безоглядное осуществление социалистических лозунгов и теорий. Было бы страшным преступлением для России, если бы на русской катастрофе поучались бы все, кроме самих русских.

К. П. Крамарж. «Русский кризис»

Правительство, Дума и общественные организации в начале 1917 г.

В конце 1916 – начале 1917 г. произошли очередные изменения в правительстве империи. 27 декабря 1916 г. (9 января 1917 г.) премьер-министром был назначен председа-

тель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным князь Н. Д. Голицын¹. Это назначение состоялось внезапно для всех, включая самого князя. Поначалу он попытался отказаться от предложенного поста, но вынужден был принять его, когда император сказал ему, что верноподданный не имеет права отказываться от такого предложения². 6 (19) января 1917 г. на имя главы правительства был дан Высочайший рескрипт, в котором были названы основные направления деятельности его кабинета. Император вновь заявил о своем непреклонном намерении довести войну до победного конца: «В полном единении с нашими верными союзниками, не допуская мысли о заключении мира ранее окончательной победы, Я твердо верую, что народ русский, самоотверженно несущий бремя войны, исполнит свой долг до конца, не останавливаясь ни перед какими жертвами»³.

Новый премьер должен был проявить заботу о снабжении армии продовольствием и «о возможном смягчении в тылу неизбежных при мировой борьбе народов продовольственных затруднений», а также обеспечить улучшение железнодорожных и речных перевозок. Опорой правительства в деле устройства хозяйственной жизни страны были названы земства. Особое внимание новый премьер должен был уделить сотрудничеству с Государственной думой и Государственным советом. Рескрипт гласил: «Благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям

Я ставлю в непрременную обязанность призванных Мною к государственному служению лиц»⁴.

12 (25) января 1917 г. император приказал образовать, в соответствии с приказом по армии и флоту от 15 (28) декабря 1916 г., Особое совещание по Польше под председательством главы правительства с участием министров – военного, внутренних дел, иностранных дел, финансов, исполняющего обязанности начальника штаба Ставки, председателей законодательных учреждений, государственного секретаря, а также статс-секретаря Горемыкина и гофмейстера Сазонова⁵. Голицын, обаятельный в общении и имевший репутацию доброго и безвольного человека, менее всего подходил на роль человека, способного решать подобного рода задачи. Сам он рассматривал свое назначение как временную меру и даже не торопился переезжать на полагавшуюся ему казенную квартиру⁶. Появившись в Думе, глава правительства даже не принял поздравления от своего старого друга – члена фракции октябристов. «У меня осталось впечатление, – вспоминал граф Э. П. Беннингсен, – что уже напряженное тогда в Петрограде положение меньше беспокоило его, чем то, что о нем будет сказано в этот день в Думе»⁷.

Серьезные и ожидаемые изменения произошли и в Военном министерстве. 3 (16) января 1917 г. Шуваев был заменен генералом М. А. Беляевым⁸. В лагере оппозиции не скрывали своего злорадства. Их идеалом по-прежнему оставал-

ся предшественник Шуваева. «Выполнить чрезвычайные во время войны задания генералу Шуваеву не удалось, – сообщало «Утро России». – Стать “министром снабжения” мог генерал Поливанов, преемнику его эта роль оказалась не по плечу»⁹. Естественно, что при этом особо подчеркивалось, что, хотя отношение Шуваева к общественным организациям не было враждебным, но оно было не столь теплым, как те могли ожидать¹⁰.

Преемник Шуваева был вызван с румынского фронта, где он представлял русскую армию при короле Фердинанде. Что касается Беляева, то он, как и многие русские генштабисты того времени, был связан, прежде всего, со штабной службой, то есть был по преимуществу военным канцеляристом. Перед войной он был одним из помощников начальника Генерального штаба, во время войны служил представителем русской армии при Фердинанде Румынском, имел репутацию талантливого, исполнительного, трудолюбивого и аккуратного кабинетного работника¹¹, то есть имел те качества, которые хотел бы видеть в своем министре император. Оппозиция также нашла необходимым отметить, что Беляев имеет «опыт чисто канцелярского характера» и является специалистом по выполнению заранее выработанных схем. Все это, казалось, свидетельствовало о полной несамостоятельности генерала, но... Определенные надежды возлагались на него и в либеральном лагере. Особое внимание было обращено

на то, что Беляев служил помощником военного министра при Поливанове и оставил эту должность после ухода своего начальника¹².

Отставка Шуваева сопровождалась знаками монаршего внимания. В тот же день на имя генерала был дан Высочайший рескрипт, под которым к официальному «неизменно благосклонный» император собственной рукой добавил «и искренно благодарный». Рескрипт гласил: «Благодаря неусыпным трудам вашим, первостепенной сложности вопрос снабжения и продовольствия армии находится в настоящее время на должной высоте. Считая для Себя приятным долгом выразить вам сердечную благодарность за плодотворные труды ваши, назначаю вас членом Государственного совета, в коем ваша опытность и знания дадут вам возможность и впредь сотрудничать в делах государственных и на благо Престола и Родины»¹³. Тем не менее контекст этой отставки был достаточно очевиден и создавал неблагоприятное впечатление.

Оба назначения – и Голицына, и Беляева – общественное мнение связало с усилением влияния императрицы¹⁴. А. И. Верховский, так же, как и все либералы, связывавший всех своих противников с именем Распутина, описал Беляева следующим образом: «Это был еще нестарый генерал лет сорока пяти. Между собой офицеры называли его “мертвой головой”. И действительно, его череп, плотно обтянутый сухой

кожей, редкие волосы, глубоко сидевшие в глазных впадинах глаза невольно напоминали череп мертвеца. Но в глазах Беляева светилась своеобразная жизнь, чувствовался умный и хищный зверь»¹⁵.

Это был сильный человек с задатками хорошего организатора, который должен был стать эффективным преемником Шуваева. 7 (20) января 1917 г. он представил императору свой первый доклад по министерству¹⁶. Так же, как и его предшественник, Беляев имел опыт сотрудничества с общественными организациями и не намерен был отказываться от использования их возможностей. Более того, почти сразу же после вступления в должность он заявил, что считает совместную работу с Земгором и ЦВПК необходимой¹⁷. Однако это ему не помогло: Беляев попал под критику либералов сразу же после своего назначения. Министр попросту не успел добиться сколько-нибудь значительных результатов.

Планы дворцового переворота открыто обсуждались в столице, и некоторые из участников заговора, предполагаемого или реального, обсуждали его перспективы даже с иностранными дипломатами¹⁸. Представитель британской военной разведки в Петрограде подполковник Самуэль Хор 20 января 1917 г. отправил в Лондон свой анализ сложившейся в России ситуации и возможных выходов из нее: «По моему мнению, возможны три варианта развития событий. Дума или армия могут провозгласить Временное правительство. Я

сам не думаю, что это произойдет, хотя эти события гораздо ближе, чем можно себе представить (подчеркнуто мной. – А. О.). Во-вторых, император может отступить, как он отступил в 1906 году, когда была установлена Дума. В-третьих, все может продолжать дрейф от плохого к худшему, что и происходит сейчас. Вторая и третья альтернатива кажутся мне наиболее возможными, и из этих двух, по моему мнению, наиболее вероятной является третья»¹⁹.

Английскому разведчику вторит русский офицер, тесно связанный с кружком Гучкова: «Город был полон слухов о заговорах, о готовящемся восстании. Шло брожение в гарнизоне Петрограда. Недавнее убийство

Распутина явно говорило, что надвигаются серьезные события»²⁰. Особенностью сложившейся ситуации Хор считал усиление влияния армии, к лидерам которой впервые за время войны обращаются с предложениями активизации своей позиции деятели общественного движения как частным образом, так и через различные организации. Этот анализ хорошо соотносится с оценкой политического положения в России в конце 1916 – начале 1917 г., данной генералом В. Н. Воейковым. Он перечисляет пять центров «революционного брожения», которые я бы предпочел назвать центрами политической оппозиции: 1) Государственная дума во главе с М. В. Родзянко; 2) Земский союз во главе с князем Г. Е. Львовым; 3) Городской союз во главе с М. В. Челноковым; 4) Военно-промышленный комитет во главе с А. И. Гучковым

(необходимо отметить, что в Англии эта фигура была хорошо известна: «Таймс» еще в 1915 г. называл его «русским Ллойд-Джорджем» и сравнивал ВПК с Министерством боеприпасов); 5) Ставка во главе с М. В. Алексеевым²¹. Бывший начальник ГУГШ и доверенное лицо Алексеева генерал Палицын также был склонен возлагать часть вины за случившееся на Государственную думу, Совет и Генеральный штаб, которые, на его взгляд, совершили массу непростительных ошибок²². Представляется, что лидер ВПК действовал довольно осознанно и последовательно.

Гучков имел все основания быть недовольным: правительство неизменно сокращало финансирование ВПК, не справлявшегося со взятыми заказами. Если с середины 1915 до 1 февраля 1916 г., то есть за 8 месяцев, механический отдел ВПК получил заказов на 129 млн руб., то за 12 месяцев, с 1 февраля 1916 по 1 февраля 1917 г., сумма заказов этого отдела составила только 41 млн руб. Чем хуже шли дела у комитетов, тем агрессивнее становились их требования смены политического курса и «ответственного министерства»²³. В первом номере печатного органа ЦВПК за 1917 г. была опубликована статья «Итоги деятельности военно-промышленных комитетов за 1916 г.», в которой утверждалось, что работа идет очень успешно и была бы гораздо более успешной, если бы ее не тормозила бюрократия. Автор отчета К. Клопотов ставил под вопрос устоявшуюся уже тогда цифру

выполненных комитетами заказов – 2–3% от общего объема – и утверждал, что она гораздо выше – от 50 до 100 %. Вывод был очевиден: правительство мешает мобилизации русской промышленности²⁴. Очередной виток борьбы Гучкова за ее интересы происходил на фоне забастовочной активности в столице, основной причиной которых сам ЦВПК склонен был считать... слухи²⁵. Минский губернатор князь В. А. Друцкой-Соколинский, приехавший в столицу 4 (17) декабря 1916 г. на праздник училища правоведения был шокирован атмосферой и настроениями Петрограда. «Впервые я ощутил, – вспоминал он, – возможность катастрофы. Войной в Питере буквально никто не интересовался. Все были утомлены сверх меры. Все обмякли, и все на почве экономических затруднений и продовольственных лишений. Все роптали, все негодовали, и, главное, все сплетничали и все злословили»²⁶.

В ноябре 1916 г., когда после скандалов начала месяца был объявлен двухнедельный перерыв в заседаниях Думы, по фабрикам и заводам Петрограда распространялся проект резолюции с требованиями создания правительства «спасения страны», опирающегося на Думу. Родзянко посетили делегации Путиловского, Обуховского, Металлического и некоторых других заводов с приветствиями в адрес Думы²⁷. 14 (27) декабря 1916 г. на заседание ЦВПК пришел представитель градоначальника, сопровождаемый приставом. Они

намеревались присутствовать при работе общего собрания комитета, что вызвало бурные протесты. Через три дня А. И. Коновалов озвучил их с думской трибуны: «Я вас спрашиваю: какой же смысл имело по отношению к центральному комитету применение закона 10 сентября, дающее право министру внутренних дел командировать своих агентов не только в общие собрания, но и в исполнительные органы, комитет и бюро (голос слева: *обнаглели*). Когда представитель власти явился в собрание 14 декабря, собрание не нашло возможным продолжать занятие при создавшихся условиях. Собрание справедливо усмотрело, что в данном случае командировка лица от министра внутренних дел или градоначальника есть не более не менее как акт вызова, диктуемый недоверием к общественным организациям. Собрание выразило свой негодующий протест по поводу проявления властью новых форм насилия, глумления и издевательства над общественными организациями, все силы свои направляющими на святое дело помощи армии»²⁸.

Коновалов действовал в стиле своих товарищей по борьбе: Львов и Челноков в июле 1916 г. протестовали против запрещения съездов Земского и Городского союзов, заявляя о том, что такие запреты, прежде всего, ставят под угрозу выполнение военных заказов. Тогда они просили о разрешении собраний союзов для обсуждения проблем, связанных с их работой. В сентябре 1916 г. газета Коновалова активно поддержала этот маневр²⁹. Через несколько месяцев он

начал осуществляться. В начале декабря 1916 г. в Москве в особняке князя П. Д. Долгорукова должен был состояться съезд городских и земских деятелей. 4 (17) декабря московские военные и полицейские власти предупредили его организаторов о запрете этого собрания. 8 (21) декабря союзы вновь обратились за разрешением к командующему Московским военным округом генералу И. И. Мрозовскому и после очередного отказа решили собраться явочным порядком³⁰. Совершенно очевидно, что эти собрания должны были санкционировать принятое ЦК кадетской партии в этом доме ранее решение относительно Львова как потенциального главы будущего правительства³¹.

Львов и Челноков обещали, что съезды будут носить закрытый и деловой характер, но, весьма вероятно, помимо их воли съезды вынесут резкие постановления. Отложить проведение съездов они, по собственному признанию, были бессильны: на созыве настаивали первичные организации. Трудно не согласиться со следующим утверждением современного исследователя: «Как можно быть “бессильными” и в то же время гарантировать деловой характер съездов? Лидеры союзов, видимо, не раскрывали карты перед градоначальником (московским. – А. О.)»³². Львов заготовил речь, может быть, впервые не разбирая слов и выражений. «Страна жаждет полного обновления и перемены самого духа власти и приемов управления. Куда же ведет нас наша путевая звез-

да, – писал он, – наш долг, долг истинных сынов родины? Когда историческая судьба призывает весь народ к государственной работе, а власть стала совершенно чуждой интересам народа, тогда ответственность за судьбу родины должен взять на себя сам народ. В такие роковые минуты нечего искать, на кого возложить ответственность, а надо принимать ее на самих себя... Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью! – они обречены на неуспех, они только отделяют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет, ибо в действительности правительство не имеет ее и не руководит страной. Безответственное не только перед страной и Думой, но и перед монархом, оно преступно стремится возложить на него, монарха, всю ответственность за управление, подвергая тем страну угрозе государственного переворота. Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой

правительством (подчеркнуто мной. – А. О.)»³³.

Легко заметить, что подготавливаемое именно Львовым «резкое постановление» содержало как резкие угрозы в адрес правительства, так и программу государственного переустройства, весьма близкую настроениям либеральной оппозиции в первые дни февральских событий 1917 г. Последнее не удивительно, так как именно в это время, по свидетельству П. Н. Милюкова, данному 4 (17) августа 1917 г., «представители земского и городского союзов, военно-про-

мышленного комитета и члены блока («Прогрессивного». — А. О.) вступили друг с другом в сношения, на предмет решения вопроса, что делать, если произойдет какое-нибудь крушение, какой-нибудь переворот, как устроить, чтобы страна немедленно получила власть, которую ей нужно. В это время, в этих предварительных переговорах и было намечено правительство, которое явилось в результате переворота 27 февраля. Назначен был, как председатель совета министров, кн. Львов, затем частью намечались и другие участники кабинета. Тогда же было намечено регентство Михаила Александровича при наследии Алексея. Мы не имели представления о том, как, в каких формах произойдет возможная перемена, но на всякий случай мы намечали такую возможность»³⁴. Был создан и организационный центр подготовки переворота. Первоначально в его состав вошли А. И. Гучков, М. И. Терещенко и Н. В. Некрасов, позже к ним присоединились А. И. Коновалов и А. Ф. Керенский. Эта пятерка установила контакты с социалистическими организациями и попыталась выйти на военных³⁵. Реальные действия либеральной оппозиции свидетельствуют о том, что формы будущего переворота обсуждались, но, конечно, не предвиделись его последствия.

Съезды были запрещены, но инициативная группа из 59 земских представителей от 22 губерний собралась для подготовки резолюции на основе все той же речи Львова. Когда к все же собравшимся делегатам явилась полиция, они

были вынуждены разойтись³⁶. Тем не менее земцы успели принять ряд резолюций резко антиправительственного характера, объявлявших, что отечество в опасности. Их тексты призывали к действию: «Опираясь на организующийся народ, Государственная Дума должна непосредственно и мужественно довести начатое великое дело борьбы с нынешним политическим режимом до конца. Ни компромиссов, ни уступок... Пусть знает вся армия, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею губельного кризиса»³⁷. Глава Земского союза провожал расходившихся криками «Верьте, мы победим!». Эти возгласы сопровождались аплодисментами. «Протокол составлен, – вспоминал сотрудник Львова. – Присутствующие медленно покидают зал»³⁸. 14 (27) декабря Съезд областных представителей ВПК присоединился к этим резолюциям и призвал общественные организации подняться на борьбу за «ответственное министерство». Собравшиеся обратились и к армии: «В единении усилий страны и армии лежит залог и победы над общим врагом, и скорейшего водворения в России требуемого всем народом измененного политического строя»³⁹. Рабочая делегация съезда пошла дальше и потребовала использовать создавшееся положение для «ускорения ликвидации войны в интересах международного пролетариата», создания Временного правительства, которое смогло бы обеспечить справедливый мир без аннексий

и контрибуций⁴⁰. Представители ВПК также отказались работать в присутствии полиции.

Коновалов не мог пройти мимо этих событий. Земгор и ЦВПК получили общего защитника, который заявил в Думе: «Власть бравирует своим недоброжелательством к Думе, к народу и к общественным организациям. Неустанно ведя с ними борьбу, власть прибегает к таким приемам самоуправства, к таким насилиям, которые должны быть безусловно клеймены. Разве, господа, в Москве не произошел на днях новый акт трагедии русской жизни? Власть, опираясь на голую силу, не стыдясь обнаружить перед всей страной все убожество своего морального авторитета, чуть не со штыками разгоняет городских и земских деятелей, съехавшихся со всей России, готовых своим трудом, своей бескорыстной работой в патриотическом рвении исполнить свой долг граждан и патриотов перед армией и всей страной. Этот акт глумления над общественными силами России в момент величайшей борьбы дает нам новое свидетельство о полной отчужденности власти от народа, о полной к нему враждебности и ставит перед нами во весь рост грандиозную проблему власти»⁴¹.

С думской трибуны Коновалов от имени Съезда областных ВПК призвал довести до конца борьбу за ответственное министерство. На мой взгляд, этот призыв был гораздо более серьезен: «В грозный час переживаемых испытаний должно быть покончено с политической системой, грозящей со-

здать неисчислимыя бедствия для страны. Безответственная власть дезорганизует, ослабляет, обессиливает страну. Долг Государственной думы – неуклонно, настойчиво вести борьбу с действующим режимом. Пусть будет вестись эта борьба до конца, пусть ведется она неустанно, и пусть не будет никаких иллюзий, никаких уступок, никаких компромиссов на этом пути. Задача страны облегчить Государственной думе эту ее борьбу. В стране нет колебаний, пусть не будет недомолвок в Думе и чем шире будет вестись Думой эта борьба, тем больше страна поддержит Государственную думу»⁴². Один из думцев вспоминал: «...надо отметить удивительную безвольность власти в самые последние, перед революцией дни, а также непонимание того, что создавшееся положение требует принятия каких-то новых нешаблонных мер»⁴³. Строго говоря, оппозиция также действовала шаблонно.

Среди приехавших для встречи в Москве был и председатель Кавказского отдела Земгора городской голова Тифлиса А. И. Хатисов. Председатель съезда князь Г. Е. Львов пригласил к себе на частную встречу нескольких видных деятелей Земгора на совещание. Там он заявил, что выход из кризиса возможен только с помощью дворцового переворота. Для подтверждения своей позиции князь показал письменное заключение с подписями многих видных земцев. Выступление Львова нашло понимание у Хатисова, и он согласился известить о позиции Земгора Николая Николаевича (младшего) и сообщить о его реакции в Петроград. При согласии долж-

на была быть отправлена телеграмма «госпиталь открывае-ся», в противном случае – «госпиталь не будет открыт». Вернувшись в Тифлис, Хатисов явился к великому князю с новогодними поздравлениями на 1917 г. и испросил личной аудиенции. В ходе последовавшей частной беседы, исполняя поручение Г. Е. Львова, Хатисов сообщил Николаю Николаевичу (младшему), что многие политики считают дальнейшее пребывание императора у власти нежелательным и видят выход в переходе трона к великому князю. Предполагалось организовать отречение Николая II за себя и наследника. Николай Николаевич (младший) взял на размышление несколько дней. 3 (15) января 1917 г. он вновь принял Хатисова, на этот раз в присутствии генерала Н. Н. Янушкевича, и отказался поддержать переворот, сославшись на то, что не верит в поддержку армии, так как смену царя не поймут, как он выразился, «солдат» и «мужик». В Петроград ушла телеграмма о невозможности «открыть госпиталь», и там перешли к плану установления регентства во главе с великим князем Михаилом Александровичем. О переговорах, состоявшихся в Тифлисе, Николай Николаевич императору не сообщил⁴⁴.

Попытки правительства перехватить инициативу

В Петербурге напряженные настроения не успокаивались, – вспоминал один из видных кадетов. – В Военно-промышленном комитете говорили о рабочем брожении. Правительство подливало масла в огонь арестами»¹. Что же происходило на самом деле? Участники съездов общественных организаций и представители либеральной думской оппозиции активно распространяли по стране листовки с принятыми в Петрограде декларациями². В Петрограде распространялись слухи, что новый министр внутренних дел готовит городскую полицию к провокации в день открытия сессии Думы и даже вооружает городских пулеметами. Численность этого грозного оружия, якобы поступившего в столицу, постоянно росла в рассказах: «пятьсот, шестьсот, тысяча»³.

На самом деле удар готовился на другом направлении. А. Д. Протопопов смотрел на рабочие группы при ВПК как на связующее звено между революционно настроенной частью рабочих и оппозицией, то есть «Прогрессивным блоком» с конституционными демократами во главе. Эту связь он хотел разрушить, тем более он имел исчерпывающую информацию о том, какой вклад в организацию забастовочного движения внесли эти организации. Теперь министр внут-

ренных дел хотел арестами предупредить новые забастовки и политические шествия к Думе⁴.

Чем дальше, тем больше он становился фигурой, вызывающей всеобщее раздражение либерального лагеря. Поскольку общественное мнение было соответствующим образом организовано, то эти чувства постепенно начали воплощаться в действия. 30 декабря 1916 г. (12 января 1917 г.) Протопопов был исключен из членов «Союза 17 октября»⁵. Через два дня, 2 (15) января 1917 г., при встрече на новогоднем приеме в Царском Селе Родзянко устроил Протопопову сцену. Увидев своего бывшего заместителя, глава

Думы отказал ему в рукопожатии и сделал так, чтобы об этом слышали все находившиеся рядом. Немедленно поползли слухи о дуэли⁶. Вскоре выяснилось, что она не состоится. Разумеется, виной были некие высшие инстанции, заявившее о ее нежелательности: храбрость Родзянко не могла быть поставлена под сомнение⁷. Безусловно, эта история не украшала Протопопова, как и новости о том, что его постоянно хвалит германская печать, которая в то же самое время ругает Сазонова⁸.

Причиной этих атак был, как представляется, тот факт, что министр не сидел сложа руки. В результате совещания Протопопова с начальником Петроградского гарнизона генерал-лейтенантом С. С. Хабаловым было принято решение обратиться к главе ЦВПК с официальным письмом о

деятельности рабочей группы с предоставлением трехдневного срока на ответ⁹. 3 (16) января 1917 г. Хабалов действительно обратился к Гучкову с официальным письмом. «По дошедшим до меня сведениям, – сообщал генерал главе ЦВПК, – рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета устраивала за истекшие месяцы собрания, на которых участвовали не только члены этой группы, но и представители больничных касс и рабочих кооперативов и иные совершенно непричастные к военно-промышленному комитету лица, причем на означенных собраниях обсуждался ряд требований революционно-политического характера, как, например, о немедленном заключении мира, о ниспровержении настоящего правительства и об осуществлении программных требований социал-демократической партии»¹⁰.

Ссылаясь на закон 1 (14) сентября 1916 г. о контроле над деятельностью общественных организаций, Хабалов требовал впредь уведомлять о времени и месте заседаний рабочей группы для того, чтобы на них мог присутствовать представитель власти¹¹. Ответа в определенный срок не последовало¹². Через печать Гучков заявил о том, что получил письмо Хабалова только 6 (19) января, в то время как уже в 20:00 5 (18) января в помещение ЦВПК прибыл представитель петроградского градоначальника. Застать кого-то не удалось, хотя здание предварительно было оцеплено поли-

цией. Помещение, где проходили заседания рабочей группы, оказалось пустым¹³. Это было довольно странным совпадением, отнюдь не свидетельствовавшим в пользу искренности слов главы ЦВПК.

Между тем претензии Хабалова были, мягко говоря, небеспочвенными. Собrania рабочей группы на самом деле уже превратились в публичные, некое подобие будущего Петросовета, в котором члены группы были представлены в меньшинстве¹⁴. Власти имели надежный источник. «Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, – отмечал на допросе 26 июня 1917 г. начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев, – освещалась охранным отделением главным образом другим сотрудником, именно Лущуком, состоявшим в секретариате группы. Сведения Лущука были более ценны, чем сведения Абросимова, потому что через его руки проходили в секретариате все сведения о деятельности группы, и, таким образом, Лушук давал охранному отделению документальные доказательства. Ликвидация группы, состоявшаяся в конце января текущего года, была предпринята на основании сведений, полученных от Лущука, а не от Абросимова. Поводом для нее послужило воззвание рабочей группы к рабочим Петрограда, отпечатанное, кажется, на мимеографе, с призывом к выступлению 14 февраля с целью ниспровержения существующего государственного строя. Рабочая группа предполагала предложить Государственной думе,

низвергнув правительство, опереться в дальнейшем в своей деятельности на рабочих. Экземпляр такого воззвания и сведения о предполагаемом выступлении рабочих были получены охранным отделением от Лущука»¹⁵.

Сам Хабалов позже утверждал, что, по имевшейся у него информации, на собраниях рабочей группы предлогом был продовольственный вопрос, а на самом деле – «вопрос об организации беспорядков»¹⁶. Требования начальника гарнизона к ЦВПК не были жесткими, а его терпение – удивительным. На мой взгляд, оно свидетельствовало лишь о том, что 59-летний генерал плохо подходил к занимаемой должности. Армии он был почти неизвестен, общественности – тоже, к роли, уготованной ему историей, подготовлен слабо¹⁷. Последний градоначальник Петрограда генерал-майор А. П. Балк дал ему исключительно верную характеристику: доступный, работающий, спокойный, не лишенный административного опыта, но «тиходум», и «без всякой способности импонировать на своих подчиненных и, главное, распоряжаться войсками»¹⁸.

Гораздо лучше к этой должности подходил предшественник Хабалова – инженер-генерал князь Н. Е. Туманов. 15 (28) июня 1916 года он был замещен на посту главного начальника Петроградского военного округа Хабаловым и переведен на должность начальника снабжения армий Западного фронта¹⁹. Туманов был решительным и жестким че-

ловеком, хорошо знакомым с обстановкой в столице. Его симпатии и антипатии были ясны и понятны. Когда в конце 1916 г. приехавший в штаб Западного фронта Родзянко попытался устыдить генерала репрессиями против рабочих на Путиловском заводе, Туманов публично заявил в ответ, что жалеет лишь об одном – что не успел повесить некоторых членов Государственной думы и самого Родзянко²⁰. Уход такого генерала был серьезной потерей для правительства. Хабалов слабо соответствовал требованиям текущего момента. В 1886 г. он окончил Академию Генерального штаба, до 1900 г. служил в различных штабах в Петербурге, потом в военно-учебных заведениях. С января 1914 по июнь 1916 г. Хабалов был военным губернатором Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска²¹. Свое назначение он принял без какой-либо радости, а на постоянное вмешательство Рузского в командование смотрел как на наказание²².

О настоящих настроениях, которые царили среди руководителей некоторых общественных организаций и членов Государственной думы, можно судить по следующей записи в дневнике великого князя Николая Михайловича, оставленной 4 (17) января после беседы с В. В. Шульгиным и М. И. Терещенко: «Какое облегчение дышать в другой атмосфере! Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, а люди. Шульгин – вот он бы пригодился, но, ко-

нечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко, молодой, богатейший, но глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, уверен, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени (31 декабря 1916 (13 января 1917 г.) он был отправлен в ссылку в свое имение под Киевом Грушевку). Дай то Бог! Его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!»²³

7 (20) января 1917 г. была арестована рабочая группа Московского ВПК. Формально она собралась для обсуждения вопроса о фабрично-заводских старостах. В момент начала заседания появилась полиция и, несмотря на возражения руководства комитета, арестовала восемь членов группы и двух присутствовавших на заседании выборщиков²⁴. Вслед за этим немедленно последовали протесты и требования освободить арестованных со стороны руководителей комитета²⁵. Члены рабочей группы Одесского ВПК в знак протеста отказались продолжать свою работу. Через два дня арестованные были освобождены²⁶. Весьма интересным совпадением было то, что именно в день ареста московской рабочей группы Челноков счел необходимым обратиться к правительству с открытой телеграммой, в которой заявил о том, что в город поступает недостаточное количество хлеба, запасов муки в Москве, по его словам, оставалось на 5 дней,

после чего «Москву ожидает настоящий голод». Городской голова просил принять меры²⁷.

Неудивительно, что подобные заявления вызвали у населения панику и повышенный спрос на продовольствие. На улицах появились очереди в булочные. 11 (24) января московский градоначальник генерал-майор В. Н. Шебеко обратился к москвичам с разъяснением ситуации. «Ложная тревога ни на чем не основана», – заверял он. Как оказалось, запасы пшеничной (792 тыс. пудов) и ржаной (478 тыс. пудов) муки в Москве позволяли обеспечить снабжение ее хлебом в течение трех недель, даже если не будет никакого подвоза. Шебеко призывал жителей города успокоиться²⁸. Генерал не ограничился словами. Им были приняты и другие меры: он лично инспектировал хлебную торговлю. Хозяева булочных, которые прекращали торговлю при наличии муки или вывешивали ложные объявления об ее отсутствии, подвергались штрафам от 500 до 1000 рублей²⁹.

В начале февраля в связи с метелями и морозами, усложнившими обстановку на железной дороге, положение со снабжением Москвы мукой вновь ухудшилось. При наличии около 2100 вагонов с мукой, рассредоточенных по разным станциям к востоку от Среднего Поволжья, в первопрестольную столицу удавалось ежедневно перебрасывать по 17 вагонов из необходимого минимума в 35 вагонов в день. Недостаток покрывался из запасов интендантства и продо-

вольственного отдела³⁰. Впрочем, к концу месяца обстановка разрядилась: город стал ежедневно получать от 90 до 100 вагонов муки (преимущественно пшеничной), что позволило резко улучшить его снабжение хлебом³¹. В немалой степени снятию ажиотажа способствовало введение в Москве 20 февраля (5 марта) 1917 г. карточной системы распределения хлеба (по карточкам он распределялся по твердым ценам)³².

В целом можно отметить, что, несмотря на сложное положение, обстановка в Москве все же несколько разрядилась. В Петрограде с начала года она оставалась неизменно напряженной. 11 (24) января 1917 г. К. А. Гвоздев на заседании бюро ЦВПК заявил о том, что в условиях, предлагаемых властями, рабочая группа работать не может³³. На следующий день под председательством Гучкова состоялось «многочасное» заседание ЦВПК, где в ходе обсуждения требования Хабалова подверглись жесткой критике и было принято решение ответить на них протестом³⁴. При этом в газетах было заявлено о том, что 12 (25) января ЦВПК принял требование петроградской полиции об уведомлении ее относительно времени, места и программы заседаний рабочей группы³⁵.

13 (26) января Гучков ответил наконец на письмо Хабалова. Ответ был почти откровенно издевательским. Председатель ЦВПК заявлял, что он лично крайне отрицательно от-

носится к закону 1 (14) сентября 1916 г., а так как указанный закон не возлагает на общественные организации обязательства сообщать о своих собраниях в администрацию, то ЦВПК не будет извещать о времени, месте и программе заседаний рабочей группы. Более того, Гучков счел возможным прибегнуть к откровенной демагогии, обвиняя правительство в предвзятом отношении к общественным организациям. По его мнению, такое отношение, «диктуемое соображениями, чуждыми самым насущным в данное время интересам Родины, может принести стране непоправимый вред»³⁶.

Вечером 17 (30) января в здание комитета явился представитель Литейной части с двумя чиновниками. Они удостоверились в том, что в помещении рабочей группы нет собрания, и удалились³⁷. На следующий день сюда вновь прибыли представители администрации. Они должны были присутствовать на заседании рабочей группы, однако ее секретарь заявил, что собрания нет и оно не планировалось. Вновь повторилась та же история: убедившись, что в помещении рабочей группы никого нет, чиновники удалились³⁸.

19 января (1 февраля) Хабалов вновь отправил Гучкову письмо, пытаясь доказать необходимость выполнения закона. Генерал призывал председателя ЦВПК войти в суть дела, так как рабочая группа обсуждает вопросы в резко революционной тональности и начальник гарнизона просто обязан принять меры. Поэтому генерал предупреждал: или ЦВПК

будет давать требуемую информацию, или военные власти не допустят более собраний рабочей группы³⁹. Ответа не последовало. На следующий день во время заседания рабочей группы ее помещение вновь посетили частный пристав и чиновник для особых поручений при градоначальнике. Явившемуся товарищу председателя ЦВПК М. И. Терещенко был задан вопрос о том, на каком основании группа ведет работу, не известив об этом предварительно власти. Терещенко прибегнул к отговорке. Он заявил, что рабочая группа подобных указаний от бюро ЦВПК не получала, и попросил К. А. Гвоздева закрыть собрание во избежание недоразумений. Представители власти составили протокол⁴⁰. Эта история немедленно была отражена в прессе⁴¹, а 21 января (3 февраля) работа рабочей группы возобновилась в обычном режиме⁴².

Именно в это время газеты либерального направления единодушно выступают с публикациями письма графа Д. А. Олсуфьева и разъяснительного письма Протопопова в адрес предводителей губернского дворянства, собранных в Москве в августе 1916 г.⁴³ Исчерпанная и почти забытая история превращается в обвинение в адрес министра внутренних дел. Лучшим направлением для дискредитации власти, естественно, были опробованные на практике слухи о предательстве, лучшим поводом для этих слухов – встреча Протопопова с Варбургом в Стокгольме.

Принципиально важным вопросом было, по мнению Олсуфьева, то, что Варбург не являлся официальным представителем враждебного государства: «Вообще ни о каких германских дипломатах и помина не было, и беседа имела совершенно частный характер. Я настаиваю на этих обстоятельствах потому, что, как мне думается, все то преувеличенное внимание, которое вызвала в наших официальных кругах и обществе встреча А. Д. Протопопова с Варбургом объясняется несколько ее внешней официальной стороной. Всех интересовал вопрос, кто таков был сам Варбург, по чьему полномочию он выступал и при каких условиях происходил разговор. Действительно, беседа гамбургского банкира за чайным столом в небольшом кружке русских людей с формальной стороны не имеет больше значения, чем какая-нибудь случайная встреча с немцем в вагоне или беседа с военнопленным»⁴⁴.

Полное отсутствие каких-либо доказательств предательства, естественно, ни о чем не свидетельствовало. Более того, сделанные Олсуфьевым разъяснения, фактически подтверждавшие правоту слов Протопопова, но отрицавшие причастность к организации встречи русского посланника в Швеции (который был информирован о ее подготовке⁴⁵), были перетолкованы самым чудесным образом. 20 января (2 февраля) Милюков так прокомментировал их: «Для меня разоблачения гр. Д.А. Олсуфьева не были новостью, т. к. я сам имел случай указывать на “неточное” изложение А. Д.

Протопопова и в частности на странность его ссылки, что будто бы наш посланник в Стокгольме г. Неклюдов просил его побеседовать с Варбургом, но, я должен признаться, я не ожидал, что на долю фантазии А. Д. Протопопова приходится так много, как это видно из письма Д. А. Олсуфьева»⁴⁶.

Арест рабочей группы ЦВПК

Итак, предатели и реакционеры демонстрировали готовность к исполнению агрессивных замыслов, их противники изображали покорность. 20 января (2 февраля) 1917 г. Московский ВПК заявил о своем присоединении к решению ЦВПК от 12 (25) января¹. Внешне могло показаться, что комитеты готовы были капитулировать. 23 января (5 февраля) 1917 г. председатель ЦВПК «разрешил к размножению» 4 документа рабочей группы: 1) Об административных преследованиях рабочих групп в Петрограде и других городах; 2) О переписке с Хабаловым; 3) Анкету о распространении института фабричных старост; 4) Анкету о сборах среди рабочих подарков для солдат². На самом деле, после массовых выступлений рабочих столицы в годовщину событий 9 (22) января 1917 г. рабочая группа ЦВПК призвала рабочих к однодневной забастовке в день открытия Думы, 14 февраля. Предполагалось организовать шествие к Таврическому дворцу, а на демонстрации у здания Думы потребовать создания правительства «народного спасения»³.

24 января (6 февраля) группа распространила среди рабочих прокламацию со следующим призывом: «Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержав-

ного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии... К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление. Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса. Только учреждение Временного правительства, опирающегося на организуемый в борьбе народ, сможет вывести страну из тупика и губительной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран условиях»⁴.

«Вплоть до начала февраля, – писала 5 (18) марта в своем первом номере восстановленная «Правда», – атмосфера стояла какая-то особенно нудная, душная, – уж подлинно, как перед грозой. Некуда было податься, почти нельзя было дышать. Невероятно возрастающая дороговизна, отсутствие то одного, то другого необходимого продукта страшно возбуждало массы. По заводам стали распространяться листки (без всякой подписи) с критикой политики государства и призывом к рабочим – направиться 14 февраля (день открытия Гос. думы) к Таврическому Дворцу с требованием Временного Правительства. На заводах стали устраиваться митин-

ги, где выступали сторонники этого призыва – “гвоздевцы”. Передают, что именно в связи с этим была арестована “рабочая группа” при Центральном военно-промышленном комитете»⁵. Нельзя не отметить неплохую информированность большевистского органа, впрочем, она легко объяснима.

Впрочем, из происходившего никто и не делал особого секрета. Обстановка в Петрограде тем временем становилась все более сложной. Настроение в рабочих районах накалялось. Распространялись слухи о пулеметах, которые полиция устанавливает на чердаках и пожарных каланчах, о росте арестов среди рабочих активистов и т. д. Нарастала готовность к выступлению⁶. Увеличивалось количество стачек, начались столкновения с полицией. Генерал Глобачев представил министру внутренних дел доклад о действиях руководителей ЦВПК и рабочей группы и испросил разрешения на арест Гучкова, Коновалова и членов группы. Протопопов после колебаний согласился только на арест рабочей группы по ордерам военных властей⁷.

Со своей стороны, провоцируя власти на аресты, Гучков готовился представить рабочую группу как организацию, прежде всего заботящуюся о фронте и благе трудящихся. В ночь с 26 на 27 января (с 8 на 9 февраля) 1917 г. в помещении рабочей группы ЦВПК был произведен обыск, и в ту же ночь на своих квартирах было арестовано 10 из 11 ее членов. В ночь на 31 января (13 февраля) арестовали по-

следнего из них⁸. «Арест рабочей группы произвел ошеломляющее впечатление на ЦВПК, – вспоминал генерал Глобачев, – и в особенности на Гучкова, у которого, как говорится, была выдернута скамейка из-под ног: связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами. Этого Гучков перенести не мог; всегда в высшей степени осторожный в своих замыслах, он в эту минуту потерял свое самообладание и, наряду с принятыми им мерами ходатайства об освобождении арестованных перед главнокомандующим Петроградского военного округа, рискнул на открытый призыв петроградских рабочих к протесту против якобы незаконного ареста народных избранников. По заводам и фабрикам рассылались об этом циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А. И. Гучкова»⁹.

29 января (11 февраля) на заседании ЦВПК, где присутствовали представители партий-участниц «Прогрессивного блока» Гучков известил собравшихся об арестах. Он заявил о солидарности с политической деятельностью группы. Присутствовавший Вл. И. Гурко заявил о том, что к данному вопросу нельзя подходить только с юридической точки зрения. С протестом в защиту арестованных в Думе выступил А. И. Коновалов. Столичная общественность негодовала, эти настроения передавались и рабочим¹⁰. В газетах было помещено сообщение о том, что арестованный Гвоздев болен¹¹. Следует отметить, что либеральная пресса заняла весь-

ма двусмысленную позицию по вопросу о рабочих группах. С одной стороны, их стремились представить как совершенно необходимый инструмент для будущего послевоенного экономического возрождения России¹².

Еще более они были нужны для контроля над рабочим движением в настоящее время: «Стремление к объединению за последнее десятилетие стало, несомненно, лозунгом рабочих масс, но для того, чтобы эти стремления не приобретали агрессивного, а подчас, может быть, даже революционного характера, нельзя загонять это движение в подполье, нельзя “выемкою” выборных людей ликвидировать такое стихийное явление, как движение в рабочей среде»¹³. По мнению коноваловской газеты, рабочие группы ВПК вполне справлялись с задачей контроля над рабочим движением, ведя борьбу с дезорганизацией труда, являясь фактически инструментом мобилизации труда, без которой невозможна и мобилизация промышленности¹⁴.

Со своей стороны, руководители военно-промышленных комитетов делали все возможное для того, чтобы показать свою заботу о рабочих. 31 января (13 февраля) Гучков и Коновалов посетили главу правительства и в разговоре с ним попытались заступиться за арестованных. Голицын ответил отказом, сославшись на сообщение, сделанное в Совете министров Протопоповым¹⁵. Министр внутренних дел верил, что предпринятый с его санкции шаг является достаточной

гарантией от возможных волнений, и был абсолютно спокоен. Значение ареста рабочей группы ЦВПК было явно переоценено властями¹⁶.

31 января (13 февраля) последовало официальное сообщение о причинах случившегося: «Образовавшаяся в ноябре 1915 года в Петрограде при Центральном военно-промышленном комитете рабочая группа избранных петроградскими рабочими уполномоченных, оказавшихся принадлежащими к революционным партиям, с самого начала открытия своей деятельности заняла обособленное в комитете положение и вместо того, чтобы посвятить свои силы делу обороны страны, стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империи, поставив своей конечной целью превращение России в социал-демократическую республику. Подготовка рабочих масс, как это в настоящее время обнаружилось, велась последовательно, но настолько втайне, что если и можно было многое подозревать, то лишь о частном и второстепенном имелись положительные сведения. За последнее время участники сговора стали действовать смелее и настойчивее, в силу чего определились данные, уже не составляющие дальнейших сомнений в преступном и опасном характере организации»¹⁷.

4 (17) февраля «Русские ведомости» опубликовали переписку Хабалова и Гучкова по вопросу о рабочей группе, предшествовавшей ее аресту. Демонстративная оппозици-

онность руководителя ЦВПК стала широко известной¹⁸. 9 (22) февраля 1917 г. было проведено заседание ЦВПК, на котором обсуждался арест рабочей группы. Протокол заседания, опубликованный почти сразу же после Февральской революции, производит потрясающее впечатление. Очевидно, возбуждение было настолько сильным, что выступающие не очень следили за логикой, нервозность их речей постоянно увеличивалась. Руководитель рабочего отдела ЦВПК П. П. Козакевич начал с утверждения о том, что вся деятельность группы сводилась исключительно к защите прав рабочих, к созданию профсоюзов и т. п.¹⁹ Впрочем, удержаться в рамках защиты он не смог и вскоре сам перешел к наступлению.

Признав, что арестованные обсуждали вопрос о мире и занимались политическими вопросами, он заявил: «С точки зрения правительства политическая деятельность преступна, но с точки зрения нашего правительства политическими преступниками являются и все здесь присутствующие, поскольку они вмешиваются в политическое положение. Больше того, в этом преступлении повинна вся страна. И когда правительство ведет страну к гибели, рабочие не могут не вмешиваться в политику. Борьба ведется сейчас в России всеми общественными силами, всеми классами, и не принять участия в ней рабочие не могут»²⁰. Выступление завершилось призывом к Думе и всем общественным организа-

циями: «...нельзя отдать рабочую группу на растерзание правительству, приведшему страну к ужасной внешней и внутренней катастрофе»²¹. Разумеется, этот призыв был встречен бурными аплодисментами, а при дальнейшем обсуждении действий властей вновь прозвучали милоковские слова «глупость или измена»²².

На следующий день под председательством Гучкова состоялось «многолюдное заседание» ЦВПК, на котором руководитель комитетов изложил историю рабочей группы и рассказал о том, что руководство ЦВПК сделало для нее. Речь получила полную поддержку слушателей, а выступивший вслед за Гучковым председатель рабочей группы Московского ВПК А. А. Федоров заявил, что рабочие твердо выступают против «мира во что бы то ни стало», и призвал обратиться к общественным организациям, Думе и «ко всей стране» с запросом о судьбе рабочего представительства в военно-промышленных комитетах. Предложение Гучкова одобрить работу ЦВПК было принято с одобрением²³. Казалось, что мечта лидера октябристов о контроле сверху начала осуществляться на практике, несмотря на то, с каким трудом начиналось ее воплощение в жизнь.

Влияние рабочей группы на рабочих было все же немалым, и с ним должны были считаться и большевики, тем более что накануне февральских событий их позиции в сто-

лице были крайне слабыми. Попытки действовать самостоятельно и организовать выступление рабочих к 10 (23) февраля, то есть к очередной годовщине суда над депутатами-большевиками, успеха не имели²⁴. Накануне Милюков призвал рабочих отказаться от выступления и не выходить на улицы²⁵. Очевидно, сказала и продемонстрированная властями готовность к действиям. Еще 8 (21) февраля Хабалов обратился к рабочим столицы с воззванием. Генерал призывал их не поддаваться на призывы устроить демонстрацию в день открытия думской сессии и оставаться на рабочих местах. «Берегите нашу общую Мать, нашу Родину – Россию, – гласил этот документ. – Тем же, кто останется глух к моему обращению, я напомню, что Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилия и сопротивления законным властям будет немедленно прекращена силой оружия»²⁶.

Обращение Милюкова последовало за этим воззванием. Призывы к выступлению лидер кадетов назвал провокацией «темных сил». Коварная реакция только и ждала удобного случая, чтобы расправиться с либералами, но те, по его свидетельству, оставались начеку: «Общественной России известно, какие именно темные силы борются у нас с идеей народного представительства, от каких именно организаций только что вышла пресловутая петиция о разгоне Государственной думы. Эти темные силы мы смело ставим в непо-

средственную связь с теми силами, которые рассылают сейчас по заводам и фабрикам агентов-провокаторов, подстрекающих под маской членов Государственной думы рабочих к выходу на улицу»²⁷.

Итак, к этим призывам, как убеждал Милюков, Дума не имела никакого отношения. Открестился от них и ЦВПК, благо на его заседании представитель рабочей группы Московского ВПК А. Ф. Федоров-Девяткин призвал воздержаться от эксцессов, вредных для дела обороны государства²⁸. Точно такую же позицию занял и Родзянко. По его мнению, заявление Хабалова не имело никаких оснований, никто не обращал к рабочим призывов выйти на улицу. Впрочем, по его мнению, русские рабочие и сами прекрасно понимали, что происходит: «Я глубоко убежден, что все русские рабочие всех заводов и предприятий настроены вполне патриотично, и поэтому все эти слухи и предположения мне кажутся совершенно невероятными»²⁹. Следовательно, власти не было никакой необходимости запугивать рабочих применением силы.

Демонстрация сорвалась, что, во всяком случае, не означало отказа от планов выступления. В искренность заверений Милюкова и Родзянко верится с трудом. Представляется, что можно доверять словам Гучкова, сказанным сразу же после февраля в Петрограде о ЦВПК, о его политике после ареста рабочей группы: «И вот таким образом мы, мирная,

деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя бы и вооруженный»³⁰. В планы переворота были посвящены и представители Антанты в России. Для союзников вопрос о грядущей революции в России стоял довольно остро до донесения Хора от 20 января 1917 г. Тесные контакты с французским и британским посольствами в России оппозиция установила с осени 1915 г. В мае 1916 г., после того как вслед отставкой Поливанова выявилась новая линия в отношении финансирования общественных организаций, она впервые попыталась повлиять на власть через правительства и общественное мнение союзников³¹.

Контакты оппозиции с союзниками

Британский посол Бьюкенен поддерживал доверительные контакты с Милюковым и Гучковым, в Москве ту же работу возглавил вице-консул Р. Б. Локкарт. Активно участвовала в этом процессе и великокняжеская фронда во главе с Кириллом Владимировичем (его супруга Виктория Федоровна (Виктория-Мелита Кобург-Готская) была внучкой королевы Виктории и давно дружила с британским послом). На происходившие в России события британские дипломаты смотрели глазами русских либералов. Естественно, что их не могли не волновать разговоры о «немецкой партии», германофильстве императрицы и мифических планах заключения сепаратного мира¹. Не удивительно, что в ноябре 1916 г. на конференции в Шантильи среди английской военной делегации ходили разговоры о возможности детронизации Николая II². Берти отмечал, что французские официальные источники со второй половины августа 1916 г. предсказывали революцию в России, что вызывало закономерную обеспокоенность французских государственных деятелей (А. Бриан), боявшихся, что она начнется до окончания войны. 2 января 1917 г. во французских газетах была опубликована без каких-либо купюр скандальная речь Милюкова в Думе от 1

ноября 1916 г.³

Действия либеральной оппозиции, направленные на дискредитацию монархии, приводили к дискредитации страны. «В Лондоне относились к России с большим недоверием, – вспоминал русский представитель при Гранд Флите. – Виной этому была внутренняя политика России в связи с начинавшимся экономическим развалом, военной усталостью и другими явлениями. Многочисленные скандалы при дворе, усилившееся влияние Распутина и назначение Штюмер-премьер-министром усилили недоверие, и в январе 1917 года меня часто спрашивали, действительно ли Россия желает заключить сепаратный мир с Германией?»⁴

Информация о возможных политических потрясениях в России дошла и до ее противников. По свидетельству А. В. Неклюдова, русского посла в Швеции, в начале 1917 г. его посетил болгарский дипломат Ризов с целью зондажа на предмет возможного заключения мира. Ризов имел репутацию русофила, во всяком случае, до начала балканских войн⁵. На отказ Неклюдова обсуждать подобную тему его болгарский коллега заявил: «Я вижу, что Вы не хотите ни обратить внимание на то, что я сказал Вам, ни говорить со мной открыто. Но через месяц, в крайнем случае через полтора месяца произойдут события, после которых, я уверен, русская сторона будет более

расположена к разговору с нами (подчеркнуто мной. – А.

О.). Может быть, тогда Вы захотите увидеть меня снова»⁶.

15 ноября 1916 г. в здании Министерства иностранных дел Франции начала работу союзническая конференция. Перед ее началом Д. Ллойд-Джордж подал лорду Г Асквиту меморандум, в сокращенном виде доведенный до сведения участников конференции. В нем, в частности, говорилось: «Мы предлагаем, чтобы ответственные военные и политические руководители четырех великих союзных держав впервые с начала войны встретились и обсудили положение с тем, чтобы наметить политику и стратегический план войны. Ответственные руководители центральных держав и их союзников все время встречаются для обсуждения планов, выработки новых и пересмотра старых. Подлинные военные руководители России ни разу не имели случая в течение хотя бы пяти минут переговорить с военными Запада... Я не считаю обсуждение русского вопроса с генералом Жилинским, или даже с генералом Палицыным обменом мнений между Востоком и Западом. История посмеется над нами за то, что мы не позаботились о том, чтобы настоять на свидании военных и политических руководителей различных фронтов в течение трех кампаний»⁷.

Логика Ллойд-Джорджа была простой: в России есть два человека, которые решают все – император и генерал М. В. Алексеев. Раз они не могут приехать во Францию, союзники должны приехать к ним сами. Именно в начале 1917 г. возникла реальная возможность договориться с союзника-

ми по вопросу о направлении комбинированного удара Антанты и об увеличении военных поставок для летнего наступления русской армии на Юго-Западном фронте. В конце декабря 1916 г. произошли серьезные изменения в руководстве Англии и Франции: правительство Г. Асквита пало, премьер-министром нового правительства стал Д. Ллойд-Джордж, один из ярых сторонников перенесения главного удара на Балканы, и подал в отставку маршал Ж. Жоффр, замещенный генералом Р. Нивеллем. Союзники вплотную подошли к реальной возможности сделать выводы из совершенных ошибок. В качестве цели будущего совместного наступления все чаще называлась Болгария.

Этому должна была помочь конференция в Петрограде. Новому английскому премьеру необходимо было сделать правильный вывод о сложившейся в России ситуации. Это было тем более важно, что конференция должна была решить и вопрос о размерах новых военных поставок, а в Лондоне уже открыто говорили о неминуемости революции в России. Британское общественное мнение уже привыкло рассматривать свою страну в качестве благодетеля, а на Россию смотрело как на просителя⁸. Его возможности должны были быть проверены. Для этой миссии Ллойд-Джордж выбрал консерватора – лорда Альфреда Милнера.

Выбор определили деловые качества и партийная принадлежность (в Англии вообще предпочитали посылать в Россию для официальных переговоров консерваторов). Отме-

тив то, что Милнер был плохим оратором, Ллойд-Джордж дал следующую оценку человеку, поставленному им во главе британской делегации: «У него не было также и необычайной силы анализа, отличавшей Бальфура, или того дара полемике, которым в совершенстве владел Бонар Лоу, но Милнер превосходил их всех силой творческой мысли и богатством идей... Милнер был неустрашим; он никогда не боялся сделать предложение или присоединиться к предложению других только потому, что оно было слишком оригинальным и могло задеть какие-либо партийные или профессиональные предрассудки»⁹. Это качество, очевидно, было определяющим в выборе Ллойд-Джорджа. Кроме того, Милнер был близок к Ллойд-Джорджу и в другом, очень важном вопросе: он, как и премьер, не верил в успех наступательной политики на Западном фронте и возлагал большие надежды на перспективы договоренности с Россией¹⁰. Милнеру должен был помочь генерал Генри Вильсон, посещавший до войны Россию и знавший императрицу Александру Федоровну еще по Дармштадту¹¹.

В полночь 21 января 1917 г. группа из 50 английских, французских и итальянских представителей (союзническая миссия на будущей конференции) отплыла из порта Обан на пароходе «Kildonan Castle» в сопровождении двух эсминцев. После Шетландских островов их заменил крейсер «Duke of Edinburgh». Столь жесткие меры были вызваны ростом ак-

тивности германских подводных лодок¹² и опасением повторения судьбы крейсера «Hampshire», на котором погиб отправлявшийся в Россию военный министр лорд Китченер (это была первая попытка наладить утерянный после отставки Николая Николаевича (младшего) с поста Верховного главнокомандующего личный контакт между военным и политическим руководством двух стран)¹³. Кроме английской делегации, которую возглавляли Милнер и генерал Г Вильсон, в состав миссии входили французская делегация под началом П. Думера (бывшего премьер-министра, в это время – министра колоний) и генерала Н. Кастельно и итальянская во главе с министром без портфеля В. Шалоя, маркизом А. Карлотти (итальянским послом в России) и генералом графом Л. Руджери (бывшим военным агентом в России). Итальянцы и французы считались сторонниками союза с Россией, а Руджери был даже женат на русской¹⁴.

На пароходе главы союзнических делегаций провели совещание. Выступивший на нем Генри Вильсон заявил, что он категорически против плана комбинированного удара по Болгарии, ссылаясь на решение, принятое конференцией в Шантильи. Что же касается проблемы с оружием и боеприпасами, то Вильсон имел полномочия на разрешение поставок, однако, по его словам, готов был использовать его только после того, как убедится в способности и желании русских продолжать войну¹⁵. Последние слова, как мне представля-

ется, были весьма важными. Британские военные исходили из расчетов, что союзники имеют пять солдат против каждого трех, которых могли выставить центральные державы. Следовательно, они могли потратить четырех солдат на уничтожение трех неприятельских и тем обеспечить победу¹⁶. Ясно, какое значение приобретала в этих планах Россия.

Союзники боялись того, что в императорском правительстве после отставки А. А. Поливанова и С. Д. Сазонова укрепились сторонники сепаратного мира. Напрасно представитель Великобритании при Ставке генерал-майор Дж. Генбери-Вильямс, убежденный в верности Николая II международным обязательствам и в его желании довести войну до победного конца, информировал об этом свое правительство¹⁷. К пропаганде русских либералов внимательно прислушивались в Лондоне и Париже. Перед отъездом в Россию Кастельно был принят президентом Франции, который отдал генералу приказ обратить внимание на «пожелания сепаратного мира с Германией, которые, казалось, проникли и развивались более или менее скрыто в окружении императора, в правительственных кругах и в русском народе»¹⁸. Кастельно должен был «решительно противодействовать этим настроениям»¹⁹. Перед генералом была поставлена нелегкая задача – бороться с тем, чего не было на деле и что существовало только в воображении либеральной оппозиции.

Не стоит недооценивать силу мифов, создаваемых этим

воображением. Умело дирижируемая организация общественного мнения приводила к тому, что против слухов решительно ничего не помогало. 2 (15) декабря 1916 г. новый министр иностранных дел России Н. Н. Покровский в ответ на германское предложение приступить к переговорам о мире выступил в Думе с довольно односложным заявлением относительно готовности России довести войну до победного конца. Перечислив все, сделанное Берлином и Веной для начала войны, и нарушения международного права, допущенные в русской Польше²⁰, министр закончил свою речь, следующими словами: «И русское правительство отвергает с негодованием мысль о самой возможности ныне прервать борьбу и дать тем Германии возможность воспользоваться последним случаем подчинить Европу своей гегемонии. Все уже принесенные жертвы были бы уничтожены преждевременным заключением мира с врагом, силы которого подорваны, но не обезврежены, и который ищет передышки под обманным лозунгом прочного мира. В этом неколебимом решении Россия находится в полнейшей единодушии со всеми своими доблестными союзниками. Все мы одинаково проникнуты жизненной для нас необходимостью довести войну до победного конца и не дадим остановить нас на этом пути никаким уловкам наших врагов»²¹.

Дума неоднократно прерывала выступление министра аплодисментами и так же единодушно приняла следующую формулу перехода к делам, озвученную С. И. Шидловским

1-м: «Выслушав заявление министра иностранных дел, Государственная дума единодушно присоединяется к решительному отказу союзных правительств вести какие бы то ни было переговоры о мире в настоящих условиях и со своей стороны полагает, что германское предложение мира является лишь доказательством ослабления наших противников и лицемерным шагом, рассчитанным не на практический успех, а на сложение с себя ответственности за начало войны и за ее ведение перед общественным мнением Германии, что преждевременный мир был бы только коротким перемирием и повлек бы за собою опасность новой войны и новых тяжелых жертв со стороны населения и что прочный мир возможен только после решительной победы над военным могуществом наших врагов и после окончательного отказа Германии от тех стремлений, которые сделали ее виновницей мировой борьбы и всех сопровождающих ее ужасов»²².

12 (25) декабря Покровский дал пространное интервью журналистам ведущих русских газет, в котором подтвердил положения своей речи в Думе и заявил, что предложения мира со стороны Германии отвергнуты²³. В частности, он заявил: «Курс внешней политики останется прежний. Никакие перемены в личном составе правительства не вносят ни изменений, ни колебаний в раз назначенное направление, по коему идет Россия согласно предначертаниям державного своего Вождя»²⁴. Что касается императора, то в приказе по

армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. он также подтвердил курс на войну до победного конца, призвав воинов: «Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неуязвимой славой и дарует нам мир, достойный наших героических подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память»²⁵.

Чтобы успокоить союзников после смерти одного из старейших русских дипломатов, посла в Англии графа А. К. Бенкендорфа, 12 (25) января 1917 г. на этот пост был назначен Сазонов²⁶. 15 (28) января он встретился с представителями прессы и изложил свои взгляды на основные принципы политики России. Сазонов считал необходимым работать над продолжением русско-британского союза и в послевоенный период. Новый посол в Лондоне приветствовал призыв президента США В. Вильсона к миру, но не поддержал предложение возврата к довоенным реалиям: «Возвращение к положению вещей, существовавших до войны, представляется немислимым. Необходимы изменения в ущерб одной и пользу другой, и это должно явиться результатом победы одной из сторон. Для того чтобы можно было мечтать о возвращении к прошлому, надо было бы сказать, что нынешняя война является дурным сном, но кто же решится произнести это слово после того, чему мы были свидетелями за послед-

ние 30 месяцев»²⁷.

К этому остается лишь добавить, что, призывая воздерживаться от точных сроков окончания войны, Сазонов был уверен в неизбежности победы союзников и в правильности выбранного ими способа сокрушения своего основного врага: «Весьма вероятно, что в эту войну не Иена и не Седан приведут Европу к миру и что для победы держав согласия в настоящей войне немалую роль сыграет внутреннее положение воюющих держав. Симптомы экономического истощения Германии налицо»²⁸. Публичные заявления представителей власти были достаточно решительны, и, во всяком случае, однозначны. Тем не менее все они явно не пересиливали шепота либеральной интриги, заверяющей всех и вся в наличии предательских замыслов о мире в верхах императорской России.

25 января «Kildonan Castle» пришел в порт Романов (Мурманск), и по недавно открытой железной дороге (официально она была открыта 25 ноября (8 декабря) 1916 г.²⁹) представители союзников отправились в Петроград. Это был первый поезд, прошедший по дороге, которая должна была способствовать выходу империи из транспортной блокады. В столицу России миссия прибыла 29 января, и вечером того же дня под председательством Н. Н. Покровского состоялось предварительное собрание конференции³⁰. Ее заседания проходили в Мариинском дворце, а представители со-

юзников были размещены поблизости, в гостинице «Европейская». Некоторые из них в первый же день своего пребывания в северной столице успели дать интервью, «они были полны уверенности в плодотворности предстоящих занятий»³¹.

На самом деле посланцев (во всяком случае, из Лондона и Парижа) ожидали неприятные известия. Французский и английский послы в начале 1917 г. были настроены весьма оптимистически относительно перспектив политической стабильности в России и состояния русской армии³². Именно в британском посольстве в первый же день своего пребывания в Петрограде к своему ужасу Милнер узнал о том, что неприязнь к императорской семье зашла так далеко, что возможность их убийства открыто обсуждается среди «ведущих русских кругов»³³. Генерал Кастельно, получивший приблизительно такую же информацию от посла своей страны в России М. Палеолога, сразу же заявил о том, что правительство Франции желало бы получить от Николая II гарантии относительно послевоенной судьбы прирейнских провинций³⁴.

18 (31) января все члены союзнических делегаций получили аудиенцию у Николая II³⁵. Утром они отправились в Царское Село, где в 9:30 были представлены императору. Переговорив сначала с послами союзных держав, он вышел к членам делегаций для краткой беседы с ними³⁶. В 13:30 они вернулись в город, и уже в 14:00 Вильсон встретился с

прибывшим из Могилева В. И. Гурко. Василий Иосифович собирался выехать раньше, под Новый год, но специально задержался для того, чтобы его прибытие в столицу не было связано с убийством Распутина. В Петроград он приехал только 5 (18) января 1917 г.³⁷ Во время встречи, продолжавшейся почти два часа,

Гурко изложил пожелания русского командования по военным поставкам. Он просил 4000 75-мм орудий, 100 6-дюймовых полевых гаубиц (вместо первоначальной цифры в 600), 200 9,2-дюймовых (вместо 30–40). «Они очень тяжелые, господа», – суммировал свои впечатления от разговора Вильсон³⁸. Это были весьма существенные цифры.

К январю 1917 г. в составе русских армий четырех фронтов находилось 160 пехотных и 40 кавалерийских дивизий³⁹. На их вооружении находилось 5459 легких орудий (3-дюймовые различных образцов) и 1946 тяжелых, причем 8-, 11- и 12-дюймовых гаубиц только 49. Противники – армии Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции – на разных участках русского фронта имели 5070 легких и 4060 тяжелых орудий⁴⁰. В составе каждого русского фронта предполагалось создать группу тяжелой артиллерии по 160 орудий, из них 120 дальнобойных 6-дюймовых и 40 орудий калибром от 8 до 12 дюймов. Кроме того, в резерв Ставки должно было быть выделено 500 тяжелых орудий, из них 125 дальнобойных 6-дюймовых и 325 калибром от 8 до 12 дюймов. Четыре

русских фронта и резерв Ставки требовали, таким образом, 1090 тяжелых орудий. С учетом необходимости пополнения ежемесячной убыли в 36 орудий разного калибра и возникала цифра в 645 орудий на первое полугодие 1917 г.⁴¹

Объем заграничных поставок в 1917 г. по предложениям русской стороны должен был в три раза превзойти таковой же за 1916 г. В принципе, они были завышены: перевозке подлежало 8 млн тонн при пропускной способности русских железных дорог в 5 млн тонн, и это притом, что по воде предполагалось перевезти 1 млн тонн. В результате было принято решение поставить в Россию 4,25 млн тонн, не считая поставок из Японии и Швеции⁴².

Положение Гурко было очень тяжелым: он ощущал себя «калифом на час». Каждый командующий фронтом отстаивал важность своего направления, рассчитывать на поддержку Алексеева было трудно, хотя он и пытался вмешиваться из Севастополя. «Это был период, – вспоминал генерал А. С. Лукомский, – когда характер позиционной борьбы, выразившийся, прежде всего, в кордонной системе и стремлении быть достаточно сильными на всех направлениях, подавлял ум и волю старшего командного состава»⁴³.

Небольшие резервы растаскивались по фронтам. В этой ситуации успех будущего русского наступления целиком зависел от формирования боеспособного резерва, который был немислим без увеличения артиллерийского парка. В это

время Гурко проводил реформу, смысл которой сводился к увеличению числа русских дивизий. Количество батальонов в русской дивизии сокращалось с 16 до 12 за счет выделения четвертого батальона в полку при переходе его на трехбатальонный состав. Новая дивизия получала более гибкую и подвижную структуру, новый корпус – третью дивизию, а армия – 48 таких новых сводных дивизий. Таким образом, они должны были создаваться путем слияния некоторой части фронтовых офицеров и унтер-офицеров с кадрами запаса. Разумная на бумаге, на деле эта мера оказалась далекой от успеха. При ослабленных немногочисленных кадрах естественной реакцией на реформу стало желание командиров сохранить все наиболее ценное и освободиться от ненужного⁴⁴.

Кроме личного состава, действующие дивизии также выделяли небольшое количество пулеметов и обоза; артиллерию для них Гурко, очевидно, надеялся получить от союзников. Его предложение о создании четырехорудийных батарей (вместо шестиорудийных) не решало проблемы. Впрочем, если бы союзники и решили выполнить требование о поставке орудий для приблизительно 100 новых артиллерийских бригад, их вряд ли можно было обеспечить кадрами и лошадьми. Впрочем, положение в русской артиллерии к этому времени стало действительно неплохим. Кризис со снарядами преодолен, увеличено количество тяжелой и дальнобойной артиллерии, хотя по мощности русская тяжелая ар-

тиллерия по-прежнему уступала противнику. Ее основным тяжелым орудием оставалась 6-дюймовая гаубица, в то время как немцы уже в конце первого года войны использовали орудия калибром в 12 дюймов. Запасы снарядов для 6-дюймовых гаубиц у отдельных армий достигали десятков тысяч⁴⁵.

1 февраля начались официальные заседания конференции в здании русского МИДа. Россию представлял не только министр иностранных дел, но и представители других министерств, а также генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, С. Д. Сазонов, незадолго до этого получивший назначение послом в Лондон и товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов. Конференция образовала три комиссии – политическую, военную, техническую. С самого начала возникли прежние разногласия по определению направления и сроков комбинированного наступления. Русская сторона стремилась увязать вопрос с военными поставками⁴⁶. Уже на первом заседании конференции, которое открыл Гурко, он призывал к объединению ресурсов и согласованности действий⁴⁷.

Особенно активными были французы, так как новый главнокомандующий их армиями – дивизионный генерал Р. Нивелль – готовил гигантское наступление и именно на Западном фронте. При обсуждении планов на 1917 г. Кастельно предложил исходить из того, что в этом году война должна

закончиться и планируемые операции должны носить решающий характер. В результате было принято следующее решение: «Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения»⁴⁸.

2 февраля, после аудиенции у императора, члены военных союзнических миссий отправились на фронт⁴⁹. Еще через два дня в царскосельском Александровском дворце был устроен прием и обед в честь делегации союзников, членов которой приветствовал Николай II⁵⁰. Работа конференции продолжалась вплоть до 7 (20) февраля⁵¹. 2 (15), 3 (16) и 4 (17) февраля императором были отдельно приняты главы британской, французской и итальянской миссий⁵². Воспользовавшись аудиенцией, 4 (17) февраля

Милнер представил Николаю II конфиденциальную записку, в которой отметил важность достижения союзниками соглашения с целью организации весной – летом 1917 г. одновременного наступления, которое должно быть проведено с наибольшей энергией⁵³.

Глава британской делегации признавал важность союзных поставок в Россию для достижения этой цели, но при этом особо подчеркивал, что союзная помощь не может решить все проблемы воюющей России. «Существуют почти всегда два способа парировать недостаток в материалах, – рассуж-

дал он. – Первый – это увеличить производство; второй – пользоваться тем, что имеешь, более усовершенствованным способом, более экономно. К такому методу Россия и должна будет прибегнуть. Вот каковы неопровержимые последствия настоящего положения. Ясно, что просто нет возможности ввозить в Россию из заграницы все материалы, в которых она нуждается. Эти материалы не существуют и не могут быть изготовлены в короткое время; если бы они были приготовлены, их нельзя было бы доставить за недостатком транспорта. Таким образом, Россия оказывается вынужденной в силу абсолютной необходимости применить свои собственные ресурсы более систематическим образом»⁵⁴.

Слабые позиции России исключили возможность использовать разногласия, имевшиеся в союзническом лагере по этому вопросу. Конференция решила отказаться от идеи совместного наступления на Болгарию с юга и севера и рассматривать войска Салоникского фронта исключительно как силу, сдерживающую часть армий противника на Балканах. Только в случае, если значительные части неприятеля покинут этот фронт, союзники предусматривали возможность частичного наступления с целью перерезать железнодорожное сообщение на линии Белград – Константинополь. Саррайлю была предоставлена полная свобода действий в Греции. Союзники договорились об одновременных ударах на Западном, Восточном и итальянском фронтах⁵⁵.

Русская армия готовила наступление на Юго-Западном

фронте, обращенном против Австро-Венгрии⁵⁶. Следует отметить, что на кампанию 1917 г. именно в отношении Восточного фронта германское командование имело наиболее неблагоприятные для себя прогнозы. Особенно опасались неприятностей на том его участке, где оборонялись австро-венгерские войска. Сведений о разложении русских войск немцы не имели⁵⁷. Союзники считали, что в марте – апреле 1917 г. их армии в целом будут готовы к наступлению. По мнению Гурко, в зимний период, пока не закончится начатая реорганизация, русский фронт не сможет наступать, и ранее 1 мая (по новому стилю) армия не будет в состоянии провести крупные наступления, а также, в случае если это сделают союзники, будет вынуждена ограничиться второстепенными операциями для того, чтобы удержать на месте австро-германские силы⁵⁸.

Для весеннего наступления и требовал артиллерию у союзников генерал Гурко. «Накануне революции перспективы кампании 1917 года были более ясными, чем те, что были в марте 1916 года на кампанию этого года... Русская пехота устала, но она была менее усталой, чем 12 месяцев назад», – вспоминал А. Нокс⁵⁹. Настроение армии было неплохим, ее резервы составляли 1 900 000 человек, а призыв 1917 г. должен был прибавить к ней еще 600 000 человек⁶⁰. Несколько хуже обстояло дело с качеством этих пополнений, и особенно с офицерами запаса. «Шестинедельной выучки прапорно-

щики никуда не годятся, – отмечал один из фронтовиков. – Как офицеры они безграмотны, как юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, они не авторитетны для солдат. Они могут героически гибнуть, но они не могут разумно воевать»⁶¹.

Пока политики в Петрограде обсуждали вопросы большой стратегии, военные посещали фронт. Генерал Вильсон вместе с полковником А. Ноксом отправился в Псков, в штаб Северного фронта, откуда после встречи с генералом Рузским они отправились на позиции русской армии под Ригой⁶². Поездка состоялась почти сразу же после январского наступления 12-й армии на правом берегу реки Аа у озера Бабич. В начале января командовавший армией генерал Р. Д. Радко-Дмитриев получил разрешение от главнокомандующего фронтом генерала Рузского на частную операцию с обязательством обойтись исключительно собственными силами. Основной целью наступления была «боевая практика для войск».

Командование строило свои расчеты на внезапном ударе, без предварительной артиллерийской подготовки. Перед его началом 17-й и 55-й полки 20-й Сибирской стрелковой дивизии отказались идти в наступление. Стрелки кричали о предательстве и шпионах, которые продают и предают их⁶³. Парадокс ситуации заключался в том, что залогом успеха наступления его организаторы считали внезапность, основанную на действиях «без выстрела», в то время как на рядово-

го бойца предварительный артиллерийский обстрел действовал ободряюще хотя бы потому, что он обеспечивал проходы в заграждениях противника. Солдаты вообще неохотно шли на неразрушенные проволочные заграждения. По приказу командования ненадежные полки были выведены в тыл, 13 стрелков преданы суду военного трибунала и расстреляны, несколько сотен человек были сосланы на каторгу. Расстрел стрелков получил полное одобрение императора⁶⁴.

Митавское, или «Рождественское», наступление началось вечером 23 декабря 1916 г. (5 января 1917 г.), то есть накануне православного Рождества. Немцы были застигнуты врасплох. Первыми в атаку пошли латышские стрелки, вслед за ними удар нанесли сибирские части⁶⁵. «Давно лелеянная мысль командующего армией, – писал фронтовой корреспондент «Нового Времени», – прорвать германский фронт грудью без единого артиллерийского выстрела блестяще оправдалась. В первый же день было порвано бесчисленное множество проволочных заграждений, несмотря на убийственный огонь пулеметов, солдаты молча врываются в укрепления, блокгаузы, редюиты»⁶⁶.

Уже 5 января 6-й Сибирский корпус сумел прорвать оборону немцев на двух участках. На участке прорыва резервов у немцев не оказалось, в результате путь на Митаву был открыт. Сказался фактор внезапности, на который рассчитывал Радко-Дмитриев⁶⁷. Не менее сильно сказалось и отсут-

ствие резервов: ни за одним из участков прорыва не было свежих сил, которые могли бы развить успех. Когда они появились, было уже поздно. Наступление выдыхалось в столкновениях за опорные пункты⁶⁸. После войны начальник штаба германского Восточного фронта отметил, что это было единственное за всю войну русское наступление, не сопровождавшееся радиоболтовней и поэтому заставшее немецкие войска врасплох⁶⁹. Успешный прорыв, весьма эффективное использование тяжелой артиллерии заставили немцев оставить «Пулеметную горку» – возвышенность, господствующую над дефиле в болотах на пути к Митаве⁷⁰.

Людендорф отмечал, что удар в направлении на Митаву едва удалось локализовать поспешно стянутыми резервами⁷¹. Задача стабилизации фронта для германского командования упрощалась волнениями среди сибирских стрелков. Известие о нем на время парализовало порыв наступавших, повлияло на настроения стрелков, находившихся в резерве, и, в конечном итоге, прорыв остался без поддержки. Через несколько дней наступление остановилось⁷². Уже 11 января 1917 г. начальник штаба Восточного фронта генерал-майор М. Гофман отмечает в своем дневнике, что на фронте одного батальона ландштурма было занято несколько траншей⁷³. В этот день наступление 12-й армии прекратилось. Радко-Дмитриев приказал утвердиться на занятых позициях⁷⁴. За время боев было захвачено около 1 тыс. пленных, 2

тяжелых и 11 легких орудий, 2 прожектора и т. п. При этом велики были и потери: около 23 тыс. человек убитыми, ранеными, обмороженными (бои шли при 20-градусном морозе) и пропавшими без вести (около 9 тыс. человек)⁷⁵. В Риге у православного собора были выставлены захваченные у противника орудия и пулеметы.

Это была частная изолированная зимняя операция, не имевшая шансов на стратегический успех, да и не рассчитанная на таковой. Конечно, при условии развития прорыва можно было бы рассчитывать на то, что немцам придется податься назад по всему участку фронта. Однако без немедленной поддержки ближайшими резервами рассчитывать на это не приходилось. Сразу же после остановки наступательных операций по армии, а затем по фронту поползли слухи о том, что наступление было остановлено по приказу императрицы, что войска чуть ли не овладели Митавой (на самом деле они далеко не дошли до нее) и оставили город по телеграмме Александры Федоровны. В Риге, где сказывалось и традиционное противостояние латышей с немцами, к этим слухам добавлялись и другие – о высоких потерях латышских полков, о бесполезно пролитой по вине императрицы крови⁷⁶.

Гурко получил информацию об этом в январе 1917 г., когда был в Петрограде. Именно в это время С. Хор отмечает усилившуюся пропаганду против «реакционеров» на окопах, что привело к тому, что политические вопросы откры-

то обсуждаются на фронте, и, по его информации, был даже случай отказа полка идти в атаку, так как его офицеры потребовали «уничтожить врагов в тылу»⁷⁷. Настроения офицеров проникали и в солдатскую среду. Генерал А. В. Горбатов вспоминал: «Денщикам удавалось иногда услышать из офицерских разговоров отдельные слова: “все прогнило, все продажно”, “этого нужно было ожидать”, “бездарные правители”, “на краю пропасти” и т. п. Все это немедленно передавалось нам (солдатам. – А. О.)»⁷⁸. Интересно, что это происходило в частях генерала, который в бытность своей отставки по болезни не считал для себя зазорным обращаться с телеграммами к Распутину, прося его молитвенного заступничества о возвращении на фронт⁷⁹. В тылу Северного фронта зрело недовольство, но оно было еще незаметно. Общее состояние русских позиций и русской армии в окопах произвело на Вильсона самое хорошее впечатление⁸⁰.

Совсем другой взгляд на возможности русских войск вынес из поездки на Юго-Западный фронт генерал Кастельно. По его мнению, командование, управление и транспорт в России отстали от союзников на 18–20 месяцев, и ни о каком удачном наступлении в ближайшем будущем речи быть не может⁸¹. Тем не менее даже Кастельно похвалил дух войск: он показался ему превосходным⁸². Эти оценки наступательных возможностей русской армии абсолютно не разделялись главой британской военной миссии. Однако Милнер, узнав

о них, оказался под влиянием авторитета французского генерала. Эта информация негативно повлияла на представителя Ллойд-Джорджа, и он стал сомневаться в возможности наступления на русском фронте. Вильсон записывает в своем дневнике 17 февраля: «Я сказал ему (Милнеру. – А. О.), что Кастельно не имеет причин для пессимизма, он ничего не видел, его точка зрения ошибочна»⁸³.

В какой-то степени Кастельно был прав в своих оценках технического состояния русского фронта: наша армия по-прежнему уступала англичанам и французам в артиллерии. У союзников во Франции было 9176 легких и 6369 тяжелых орудий против 4349 легких и 5510 тяжелых германских орудий, что при меньшей длине фронта составляло в среднем 13 орудий на километр фронта у англичан и 10 орудий на километр фронта у французов (для сравнения – средний показатель на русском фронте составлял 1 орудие на 1 километр фронта)⁸⁴. Преодоление подобной отсталости зависело, в том числе, и от позиции союзных правительств по военным поставкам. Сам Кастельно на конференции был против излишней, по его мнению, поддержки русской армии, он считал «.. недопустимым обнажать французский фронт ради русского»⁸⁵.

Вильсон был, конечно, более объективен, чем его французский коллега. Дело в том, что Кастельно посетил фронт в Галиции, где окопной войны, характерной для Западного

фронта, не было и не могло быть. Во Франции линия фронта стабилизировалась к концу 1914 г., а русский Юго-Западный фронт за 2,5 года войны пять раз перемещался на расстояние от нескольких десятков до нескольких сотен километров. После окончания Брусиловского наступления прошло чуть больше двух месяцев. Естественно, что освоение прифронтовой полосы здесь было несравнимо с тем, что было у союзников в Европе. Кроме того, и довоенное развитие данной территории было далеко от северо-западных областей Франции и Бельгии. На Северном фронте, который посетил Вильсон, положение было совсем иным: его линия приобрела стабильные очертания в конце 1915 г., прифронтовая полоса была хорошо освоена.

Опыт европейского Западного фронта, опыт окопной войны, осложненной огромной плотностью артиллерии и пулеметов, был неприменим на галицийском участке русского фронта. Да и насколько эффективен был этот опыт? Немцы и русские тратили на артиллерийскую подготовку несколько часов (германская армия потратила перед штурмом Вердена в феврале 1916 г. 9 часов), в то время как союзники – несколько дней (в июле 1916 г. на подготовку перед наступлением на Сомме было отведено 7 дней, а перед наступлением во Фландрии в июле 1917 г. – 16 (!) дней)⁸⁶.

Тем не менее особыми успехами в том, что считалось военной доктриной союзников наиболее важным показателем, то есть в отвоевывании территории, они никак не могли по-

хвастаться. Вильсон, конечно, имел все основания не соглашаться с Кастельно. Важно отметить, что расхождения между англичанами и французами в оценках боеспособности русской армии касались только технической части. Мораль войск и тыла не вызывала у них сомнений. Не сомневался в ней, как было уже отмечено, и сам Кастельно. На заданный ему вопрос, удовлетворен ли он результатами конференции, генерал ответил: «В высшей степени. Я уеду из России с сознанием, что союзники одушевлены одной общей задачей, единой конечной целью»⁸⁷.

Доволен был и Думерг, заявивший в своем интервью: «С минуты моего приезда в Россию все мои беседы с самыми разносторонними лицами – членами правительства, политическими деятелями, военными, представителями промышленности – ярко подтвердили мое постоянное мнение о русской мощи и о достойном восхищения русском патриотизме. На каждом шагу мне оказалось возможным отметить проявление горячей любви русского народа к своей родине. В патриотизме русских я вижу лучший залог нашего общего торжества. Недаром наши враги всегда старались пошатнуть эту нравственную силу, которая ведет нас к победе»⁸⁸. Сила эта казалась еще и незыблемой. В начале 1917 г. по Северному фронту проехал американский журналист Арно Дош-Флеро. Он с самого начала войны работал военным корреспондентом на Западном фронте во Франции и Бельгии и прежде всего обратил внимание на состояние морали войск. Оно по-

казалось ему прекрасным: офицеры и солдаты жили единой семьей⁸⁹.

Но только ли пессимизм французского генерала вызвал у лорда Милнера такие же чувства сомнения относительно возможностей России в будущей кампании? Кроме аудиенций у императора и переговоров с членами его правительства, делегатам из Англии и Франции предстояли встречи с представителями общественности. Эти встречи, как, впрочем, и сама конференция, не были предметом пристального внимания отечественного, да и зарубежного историка. Впрочем, они и не были вообще обойдены вниманием. «Союзные делегаты, – отмечал советский историк А. Л. Сидоров, – выслушали все претензии представителей царского правительства – руководителей хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской буржуазной оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства и “Прогрессивный блок” по организации государственного переворота. Их не особенно страшил рост недовольства внутри страны; приход к власти буржуазных лидеров им казался желательным»⁹⁰.

Политический зондаж на фоне межсоюзнических контактов

Действительно, в отсутствие военных политики встречались с представителями либеральной общественности. Последние ожидали активной помощи от союзников при реализации своих планов¹. Источниковая база этих встреч невелика. О них можно было судить по «Военным мемуарам» Ллойд-Джорджа и в лучшем случае по воспоминаниям Роберта Брюса Локкарта. Вскоре после войны лорд Милнер скончался, не оставив мемуаров. Во время работы в архивах Форин оффис мне не удалось обнаружить его отчетов, и я использовал ту их часть, которая была воспроизведена Д. Ллойд-Джорджем. На встречах Милнера с представителями общественных организаций переводчиком выступал Локкарт (с 1912 г. – британский вицеконсул в Москве, кстати, встречавший делегацию в Петрограде)², оставивший определенную информацию об этом. Однако картину великолепно дополняют дневники генерала Г Вильсона, с которым Милнер откровенно делился впечатлениями об увиденном и услышанном. В высшей степени характерно то, что о подобных встречах почти ничего не пишут в своих воспоминаниях французский посол Палеолог и его британский коллега Дж. Бьюкенен.

Особенно активными в этих встречах были французы. «Я пытаюсь доставить Думеру возможно полный обзор русского общества, – записывает в своем дневнике 8 февраля 1917 г. Палеолог, – знакомя его с самыми характерными представителями его»³. Через своего знакомого французский посол пригласил представителей общественности на завтрак в посольстве. Это делал именно тот человек, который впервые высказал свою мысль о возможности «революционных беспорядков» в России буквально на следующий же день после отставки Николая Николаевича (младшего) в 1915 г.⁴

Характерно, что приглашены были исключительно представители либерального лагеря, в том числе бывший военный министр генерал А. А. Поливанов, А. И. Шингарев, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков и другие (чудовищным образом, учитывая убежденность правительства Франции в будущей революции в России, выглядел подарок ее президента императрице, украсивший приемную Александровского дворца, – гобелен, изображавший королеву Марию-Антуанетту вместе с ее детьми)⁵. На этих встречах, прежде всего, обсуждались вопросы внутренней политики.

Активно проводил встречи с членами правительства, Государственной Думы и Государственного совета, а также с военными Кастельно. Он вынес собственные и весьма яркие впечатления из того состояния, в котором пребывали обе русские столицы: «Если для оценки умов в России в связи

с войной ограничиться наблюдением за обществами таких больших городов, как Петроград и Москва, то нам кажется, что гигантская борьба, заливающая мир кровью, не занимает первое место в заботах русского народа. Ничего не изменилось, кажется, в течении жизни, в удовольствиях, в труде. Конечно, война всех стесняет, но она ничему не препятствует, в особенности буйному возбуждению внутренней политики, которое недавно проявилось в одной кровавой драме и которое чувствуется во всех душах, будь то на фронте или в тылу»⁶.

Вообще, в это время фронт был явно не в центре внимания лидеров общественности, во всяком случае, фронт, направленный против немцев. Неудивительно, что Думерг на встрече с «характерными представителями» рекомендовал своим собеседникам быть терпеливее и просил их не забывать о том, что идет война. Это вызвало бурный протест у Милюкова и Маклакова: «Довольно терпения!... Мы истощили все свое терпение... Впрочем, если мы перейдем скоро к действиям, массы перестанут нас слушать»⁷. Еще дальше пошел Гучков, заявивший, что в случае, если это правительство останется у власти, то союзникам не стоит рассчитывать на дальнейшую помощь России в разгроме немцев. Выходом из внутреннего кризиса, по его мнению, была только милитаризация производства, но на этот шаг могло решиться лишь правительство, облеченное доверием народа⁸.

Внутри узкого круга посвященных в тайинства политики либерального лагеря говорили о том, что «русские политические деятели просили помощи у своих заграничных друзей; они мечтали вывезти царя и Александру Федоровну из России и поставить регентом Михаила»⁹. «Друзья» воспринимали обращенные к ним жалобы по-своему. Кастельно, например, в ходе встреч убедился, что ни император, ни правительство, ни общественность не думают о сепаратном мире и твердо настроены довести войну до победного конца. Его собеседники, в отличие от тех, с кем встречался Думер (среди прочих Кастельно имел долгую беседу с Родзянко по просьбе последнего), убедили генерала, что жесткая критика правительства и требование реформ продолжатся, но не во вред общим интересам союзников: решение этих проблем будет отложено на послевоенный период, и союзники не должны «опасаться революционных беспорядков»¹⁰.

Впрочем, далеко не всех гостей удалось заставить поверить в то, что столь сложная задача может быть реализована, хотя принимавшая сторона и старалась изо всех сил. Милнер отправился в Москву. Программу мероприятий для представителей союзников готовил Локкарт¹¹. Накануне приезда их союзников «Утро России» посвятило целый разворот проблеме назревших изменений. По мнению газеты, Россия стояла на распутье и нуждалась в министерстве «национальной обороны». «Какое самое сильное и самое яркое переживание

русской действительности в настоящий момент? – вопрошал Б. П. Вышеславцев. – Это, безусловно, чувство дезорганизации. С этим принуждены будут согласиться все, без различия партий и воззрений. Сейчас есть только две партии в России: людей, страдающих от дезорганизации, и людей, пользующихся дезорганизацией; и последних не мало. Организация национальной обороны есть для нас, русских, организация России вообще»¹².

Как сообщал своим читателям П. Сурмин, у власти есть только два пути: первый – сохранение существующей политической системы или второй – путь, который прошла Франция. Исторической выбор для автора был очевиден: «Не сохранение status quo, необходимость не простой, а великой перемены власти чувствуется всеми»¹³. «...Для достижения полной спайки между различными обществами “вооруженного народа”, будь то действующая армия, или органы тыла, работающие на нужды страны»¹⁴ необходимо создание нового аппарата власти, убеждал П. Бурский. Представители союзников прибыли в столицу еще 27 января (9 февраля), их бурно и торжественно приветствовали. Некоторые газеты опубликовали приветствия на французском и английском языках. Руководителям делегаций были посвящены статьи, особое внимание уделялось Милнеру. Он был назван «человеком действия»¹⁵.

Действовали и представители либералов. Торжественные

встречи и банкеты следовали один за другим. И везде звучали бодрые и часто длинные речи¹⁶. На встрече в городском управлении Челноков говорил о том, что войну сейчас ведут не правительства, а народ; союзники, находясь в Москве, в самом центре России, имеют возможность познакомиться с ее возможностями, ведь, «естественно, на Москву выпала обязанность организовать всю общественную Россию»¹⁷. На следующий день на торжественном банкете к тому же призывал и В. А. Маклаков: он обратил внимание на необходимость для союзных держав сблизиться не только с государством и властью, им управляющей, но и с народом, которого союзники не знают¹⁸.

Союзники воспользовались возможностью сделать то, о чем их просили. Результатом было сильнейшее разочарование. «До конца своей жизни, – вспоминал Локкарт, – лорд Милнер не мог забыть этих двух дней в Москве. Это был последний гвоздь в гроб его дискомфорта»¹⁹. По возвращении в Петроград дискомфортные чествования продолжились. На встрече, организованной русско-английским обществом 31 января (13 февраля) 1917 г. под председательством Родзянко, в лучших традициях банкетной кампании Поливанов, Сазонов, профессор Виноградов, Бьюкенен и Милнер произнесли речи, воспевавшие яркие перспективы сотрудничества двух стран и их общественности²⁰. Вне банкетов союзникам приходилось слышать и другие слова.

Вслед за главами делегаций союзников в Москву прибыла английская военная миссия во главе с Вильсоном, которого сопровождали Нокс, Локкарт и несколько британских офицеров²¹. Вернувшийся с фронта Вильсон находился в прекрасном настроении²². 2 (15) февраля он посетил Московский ВПК, где его приветствовали речами заместитель председателя комитета С. А. Смирнов и сам председатель – П. П. Рябушинский, который не замедлил заявить, что военно-промышленные комитеты трудятся, «преодолев много препятствий, тормозивших нашу работу». Возникла картина почти изолированной заботы ВПК о нуждах фронта: «Конечно, наша работа могла бы быть значительно продуктивнее, если бы общественные организации встречали должную поддержку»²³.

На фоне публичной демагогии такого рода неудивительно, что во время пребывания английской военной делегации в Москве один из русских генералов подвел Вильсона и Нокса к карте России. Нокс вспоминает: «Там, – сказал он, указывая на прифронтовую область, – все в порядке, но здесь, в тылу, все в хаосе»²⁴. Теперь в этом предстояло убедиться англичанам. Интересно, что с этими словами русского генерала почти полностью совпала оценка, данная представителем вражеской страны. Осенью 1916 г. посольство Австро-Венгрии в Румынии после того, как вопрос о его выезде через Болгарию был решен негативно, получило разрешение вер-

нуть его домой окружным путем – через Россию, Швецию и Германию. Путь через Киев и Петроград затянулся почти на три недели.

Бывший посол граф Оттокар Чернин вместе со своими подчиненными внимательно отслеживал ситуацию: «Путешествие через неприятельскую страну было весьма любопытно. В то время как раз шли кровопролитные бои в Галиции, и нам и днем и ночью встречались непрерывные поезда, или везущие на фронт веселых, смеющихся солдат, или оттуда – бледных перевязанных, стонущих раненых... Население всюду встречало нас удивительно приветливо, и здесь мы не замечали и следа той ненависти, которую мы испытали в Румынии. Все, что мы видели, проявляло себя под знаком железного порядка и строжайшей дисциплины. Никто из нас не верил в возможность того, что эта страна находится накануне революции, и, когда по моем возвращении император Франц-Иосиф спросил меня, достал ли я какие-нибудь данные об ожидающейся революции, я ответил решительно отрицательно. Старик императору это не понравилось. Он потом говорил одному из придворных: “Чернин дал очень верный отчет о Румынии, но дорогу через Россию он проспал”»²⁵. Упреки Франца-Иосифа были несправедливы: Чернин, внимательный наблюдатель, просто не имел возможности общаться с представителями столичной общественности. Зато с ними общались представители союзников.

Творческому консерватору, каким был Милнер, пришлось познакомиться с одной особенностью русского либерала, которую очень тонко заметил Б. Пейрс (британский журналист, с 1905 г. работавший в России, с 1908 года – профессор русской истории, языка и литературы Ливерпульского университета). Образ Англии вообще был популярен среди русского общества независимо от политических пристрастий его членов. Но для либералов, конституционалистов симпатии к Великобритании были условием *sine qua non*¹, они были почти идентичны желанию «освобождения России»²⁶. В либеральных кругах Англия обожествлялась или, точнее, идолизировалась. Сделать это было тем более просто, что представители этого идола в России как раз казались такими милыми и близкими людьми. Когда 12 (25) ноября 1916 г. делегация из Москвы во главе с Челноковым вручала Бьюкенену диплом почетного гражданина Первопрестольной, тот в ответном слове заявил, что «...я москвич сердцем и душой»²⁷.

Глубокая внутренняя несвобода русского западника заставляла его создавать некий образ идеальной страны, представителям которой он собирался пожаловаться на собственное непрогрессивное правительство. Однако это была внешняя сторона действия, в которую могли искренно верить только люди, подобные князю Г. Е. Львову, возглавлявшему

---

¹ Необходимое условие (*лат.*). (*Примеч. ред.*)

Земгор. С ним, а также с московским городским головой М. В. Челноковым встретился по их просьбе лорд Милнер. Первая встреча носила протокольный, торжественный характер, произносились речи, которых Милнер не понимал, вручались награды. Глава английской делегации, несмотря на желание посетить Кремль, был вынужден не только несколько часов потратить на первую встречу, но и согласиться на вторую, в которой принимали участие Милнер, британский дипломат Дж. Клерк, Локкарт в качестве переводчика, а также Львов и Челноков²⁸. Этот разговор, по мысли думцев, должен был привлечь внимание и симпатию главы британской делегации, авторитет которого они хотели использовать «для давления на императора». Аджемов, довольно верно передавший содержание встречи в разговоре с Верховским, отметил: «Львов и Челноков с чувством глубокого отчаяния в душе пошли на то, чтобы привлечь иностранцев в русские внутренние дела»²⁹.

На встречу Львов принес с собой длинный письменный вариант речи (Локкарт называет его меморандумом) и стал зачитывать его. Перспективы союзов земств и городов и их масштабы были потрясающими. Львов говорил о 220 таких комитетах, описывал их работу и затем перешел к острой критике правительства³⁰. Львов обвинял министра внутренних дел А. Д. Протопопова в желании удушить Земгор: «Единственное разумное предложение, которое выдвинул

князь Львов, сводилось к тому, чтобы союзная миссия поставила условием дальнейшей поставки материалов использование этих материалов или хотя бы части их организациями, к которым союзники относились с доверием, например, Союзом городов и Земским союзом, возглавлявшимися кн. Львовым и г. Челноковым»³¹.

Земгору, по их мнению, угрожал и новый председатель Совета министров, и новый министр внутренних дел. Земцы требовали передачи власти в руки правительства, созданного ими, «вышедшего из думских кругов и пользующегося доверием народа»³². Речь завершилась утверждением, что если решение не будет принято и отношение императора к общественным организациям не изменится, то в течение трех недель в стране начнется революция³³. В конце 1916 г. Львов и Челноков посетили заседание «Прогрессивного блока» и заявили, что единственное спасение страны лежит в революции, так как при сохранении старого режима войну не выиграть. Правда, некоторые «прогрессисты» все же возражали им, что во время войны революция – предательство³⁴. Теперь Львов и Челноков повторяли свои слова перед руководителем британской делегации. Правда, ситуация несколько изменилась, и они, потеряв государственные субсидии, хотели, как минимум, приобрести контроль над распределением союзных поставок, а в лучшем случае заручиться сочувствием союзников для проведения необходимых с их точ-

ки зрения политических изменений.

Это была удивительная по самоуверенности речь. Конечно, накануне Февраля формально земства были реальной силой, и их руководители осознавали это. «Во второй половине 1916 года Земский союз уже был целым государством в государстве: годовой бюджет его дошел до 600 миллионов рублей и продолжал неудержимо расти, – с гордостью писал биограф князя Львова. – Сотни тысяч людей – мужчин и женщин разных профессий – или служили в нем или работали на него... Никто, очевидно, не думал о преходящем значении союза»³⁵. Действительно, союзы проделали значительную работу по организации питательных и медицинско-санитарных пунктов для беженцев в 1915 г. Несмотря на вынужденное переселение нескольких миллионов человек в чудовищно сложных условиях, не было зарегистрировано ни одного случая эпидемии³⁶. Они организовали 75 поездов Красного Креста, перевезли 2 256 531 человека из 4 300 000 эвакуированных. К концу 1916 г. число учреждений Земского союза составило 7728, из них учреждений Главного комитета – 172, губернских комитетов – 3454 и фронтовых комитетов – 4100³⁷.

Но, во-первых, земства существовали в 43 губерниях Европейской России, где проживало около 110 млн человек. На территории 51 губернии и области, где проживал 61 млн человек, они не действовали³⁸, а во-вторых, наличие земских

органов само по себе не превращало их в лидеров, способных повести за собой массы. И, наконец, в-третьих, Земгор вовсе не был весьма авторитетной организацией, во всяком случае, для англичан. Большая часть вооружения и боеприпасов поставлялась фронту вовсе не земцами, существовавшими за счет государства. Это не было секретом.

Нокс отмечал в своем дневнике крайне неудовлетворительную работу и ВПК: из его филиалов только одесский (каким-то чудом его возглавил артиллерийский генерал) отличался работоспособностью. В армии по отношению к организациям, патронируемым Львовым и Челноковым, была распространена шутка: «Что такое армия? Армия – собрание людей, которые не смогли избежать военной службы. Что такое общественные организации? Общественные организации – это большие собрания людей, которым удалось избежать военной службы»³⁹. В рабочих комитетах ВПК и других организациях Союза городов часто укрывались революционно настроенные рабочие⁴⁰. Уже в апреле 1916 г. в составленной Московским охранным отделением справке «Земский и Городской союзы» отмечалось: «За последнее время наблюдается наплыв в союзы непригодных к работе лиц, коим гарантируется освобождение от воинской повинности»⁴¹. «В мировой войне, – вспоминал командир 6-го Финляндского стрелкового полка А. А. Свечин, – в поездах-банных, позади русского фронта люди с высшим образованием раздава-

ли мочалу и мыло, а фронт оставался темным и безграмотным»⁴². Особой симпатии к этим раздатчикам фронт, судя по всему, не испытывал. Сотрудников Земгора в армии презрительно называли «земгусарами», «гидроуланами», а автомобили Союза – «сестровозами»⁴³.

Слабая дисциплина среди земских организаций действовала на войска, по свидетельству П. Н. Врангеля, разлагающим образом: «...“земгусары”, призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности заполнили собою всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа облекались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии, главным образом, прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из “интеллигенции”»⁴⁴. В отчете о состоянии армии, подготовленном для председателя Совета министров в начале 1917 г. отмечалось следующее: «Влияние Земгора в войсках совершенно не замечается»⁴⁵. В армии вообще и на фронте в частности на организации земств и городов смотрели как на собрание тех, кто «словчился», чтобы не попасть в окопы⁴⁶.

Очевидно, это было почти стандартное отношение армии к этим учреждениям. Ф. А. Степун, прослуживший всю вой-

ну прапорщиком в полевой артиллерии, не очень расходился в оценках с представителями кадрового офицерского корпуса, своего и британского: «“Земгусар” – интеллигент, либерал и защитник войны до конца; внешность под офицера, душа под героя. Звенит шпорами и языком, а на самом деле всего только дезертир, скрывающийся от воинской повинности в общественной организации»⁴⁷. В конце 1916 г. две трети состава местных отделений Всероссийского союза городов приходилось на городскую интеллигенцию: это были врачи, статистики, бухгалтеры, юристы, учителя. Примерно такая же картина наблюдалась и у земцев⁴⁸. «Малое сознание в интеллигентных кругах России того, что защита Родины с оружием в руках является долгом каждого гражданина, приводило к тому, что “интеллигент легко устраивался” в тылу или на “безопасных” местах армии. Автору лично приходилось видеть лиц, – вспоминал генерал Н. Н. Головин, – продолжавших носить полковничий мундир, несмотря на то, что они стояли не во главе полков, а во главе учреждений Красного Креста, и это было в то время, когда каждый, даже младший офицер, ценился в войсках на вес золота»⁴⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.